

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

The logo features the word "РЕВОЛЮЦИЯ" (Revolution) in a bold, sans-serif font, rotated 45 degrees counter-clockwise. Below it, the word "КУЛЬТУРНАЯ" (Cultural) is written in a similar bold, sans-serif font, oriented horizontally. The text is set against a background of three stylized lightning bolts that radiate from a central point above the word "КУЛЬТУРНАЯ".

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений
в тринадцати томах

Редакционный совет
*П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов,
С. В. Казачков, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман,
В. А. Подорога, В. А. Попов,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
В. С. Стёпин, И. А. Эбанюидзе*

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений

Седьмой том

*Черновики
и наброски
1869–1873 гг.*

Перевод с немецкого
А.И. Жеребина

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2007

ББК 87.3 Герм
Н70

Перевод А.И. Жеребин
Научное редактирование В.А. Подорога
Оформление И. Бернштейн
Подготовка примечаний А.А. Карельский

Ницше, Фридрих.

Н70 Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.— М.: Культурная революция, 2005—

Т.7: Черновики и наброски 1869–1873 гг. / Пер. с нем. А.И. Жеребина; науч. ред. В.А. Подорога.— 2007.— 720 с.— ISBN 5–250–06002–1.

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание рабочих тетрадей Ницше 1869–1873 гг., в том числе наброски к «Рождению трагедии» и «Несвоевременным размышлениям», прозаические и драматические опыты Ницше, его дневниковые записи времен франко-прусской войны. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари (Kritische Studienausgabe) и включает в себя с 1-й по 31-ю группы 7-го тома этого издания.

На русском языке издается впервые.

© Культурная Революция. 2007

© В.А. Подорога. Редакция перевода, 2007

© И. Бернштейн. Оформление, 2007

Содержание

7	Черновики и наброски 1869—1873 гг.	
	1. Осень 1869	9
	2. Зима 1869—1870 — весна 1870	43
	3. Зима 1869—70 — весна 1870	55
	4. Август—сентябрь 1870	83
	5. Сентябрь 1870 — январь 1871	89
	6. Конец 1870	121
	7. Конец 1870 — апрель 1871	129
	8. Зима 1870—1871 — осень 1872	203
	9. 1871	247
	10. Начало 1871	303
	11. Февраль 1871	319
	12. Февраль 1871	325
	13. Весна—осень 1871	335
	14. Весна 1871 — начало 1872	339
	15. Июль 1871	351
	16. Лето 1871 — весна 1872	355
	17. Сентябрь—октябрь 1871	369
	18. Конец 1871 — весна 1872	373

19. Лето 1872 — начало 1873	379
20. Лето 1872	471
21. Лето 1872 — начало 1873	473
22. Сентябрь 1872	481
23. Зима 1872–1873	485
24. Зима 1872–1873	505
25. Зима 1872–1873	509
26. Весна 1873	515
27. Весна–осень 1873	531
28. Весна–осень 1873	555
29. Лето–осень 1873	561
30. Осень 1873 — зима 1873–1874	655
31. Осень 1873 — зима 1873–1874	675

681 Примечания

Черновики и наброски
1869–1873 гг.

29. Лето–осень 1873

29 [1]

Говорить правду независимо от эвдемонологической *цели*; из одного долга. При этом часто забывается своеобразное *удовольствие*, которое дает выговаривание правды. В наиболее чистом виде это проявляется в тех случаях, когда правда влечет за собой *несравненно большие неприятности*, даже гибель — и, несмотря на это, ее говорят. Государственный муж держит в своих руках существование государства, все зависит от того, что он скажет: он говорит правду и разрушает государство. Кантовский призыв к долгу. Великий человек дороже, чем царство, ибо он выступает спасителем для всех потомков. Смысл великого деяния — породить великие деяния.

29 [2]

Анализ обыкновенного чувства истины ученых. Ложь как самооборона, вынужденная ложь имеет эвдемонологический характер: она стремится спасти индивида.

29 [3]

Понятие *невозможности* относительно всех *добродетелей*, которые составляют человеческое величие.

29 [4]

1. Истина из чувства долга — губительная истина. Анализ инстинкта *истины* — *пафос*.
2. Невозможное в добродетелях.
3. Человек не вырос из этих высших инстинктов, все его существо свидетельствует о менее строгой морали, требование моральной чистоты заставляет его выходить за пределы его сущности.
4. Ложь в человеческой природе — мечты, напр., самосознание (вуалирование правды).

5. Язык, ощущение, понятия.

6. Материя.

7. Искусство. Вынужденная ложь и свободная ложь.

Последняя также сводится к необходимости.

Всякая ложь — вынуждена. Наслаждение ложью — эстетическое. В остальном удовольствие как таковое доставляет только правда. Эстетическое наслаждение — самое большое, потому что здесь правда облекается в форму лжи.

Понятие личности, даже нравственной свободы — необходимые иллюзии, так что даже наши инстинкты истины покоятся на фундаменте лжи.

Истина, приведенная в систему, — *пессимизм*. Мышление — это нечто такое, чего лучше бы не было.

29 [5]

Иа-Иа! Бэ-Бэ!

29 [6]

Бенжамен Констан: «Если бы точно и безусловно следовали бы нравственному постулату: твой долг говорить правду, любое общество не могло бы существовать».

Венгр и профессор-гегельянец в Берлине.

Племянник Рамо. «Мы большими глотками проглатываем ложь, которая нам льстит, а горькую правду цедим капля по капле».

29 [7]

«Истина»

1. Истина как безусловный долг враждебна и пагубна для мира.
2. Анализ всеобщего чувства правды (непоследовательность).
3. Пафос истины.
4. Невозможное как корректив человека.
5. Фундамент человеческой жизни — лжив, потому что оптимистичен.
6. Физический мир.
7. Индивиды.
8. Формы.

9. Искусство. Вражда против всех.
10. Без неправды не бывает ни общества, ни культуры. Трагический конфликт. Все доброе и прекрасное в зависимости от иллюзии: истина убивает даже самое себя (поскольку осознает, что фундамент ее — ошибка).

29 [8]

1. Что соответствует *аскетизму* в применении к истине? Правдивость как фундамент любых договоров и условие существования человеческого рода есть эвдемонистическое требование. Этому противоречит знание о том, что высшее благоденствие человека заключается, напротив, в *иллюзиях*; что, следовательно, согласно эвдемонистическому постулату, нужны и правда, и *ложь* — как это и имеет место. Понятие *запретной правды*, т.е. такой, которая *вуалирует* и *маскирует* эвдемонистическую ложь. Противоположное: *запретная ложь*, вступающая в силу там, где находится сфера разрешенной правды.

2. Символ запретной правды: *fiat veritas, pereat mundus*¹.

Символ запретной лжи: *fiat mendacium! pereat mundus*².

Первое, что гибнет от запретной истины, — это индивид, который ее произносит. Последнее, что гибнет от запретной лжи, — это индивид. Один приносит себя в жертву вместе с миром, другой приносит мир в жертву себе и своему существованию.

Казуистика: позволено ли приносить человечество в жертву истине? — 1) Это едва ли возможно! Если бы Бог пожелал, человечество могло бы погибнуть от истины. 2) Если бы это было возможно, это была бы хорошая смерть и избавление от жизни. 3) Никто не в состоянии так крепко верить в истину, не впадая в некоторое *заблуждение*; скепсис не заставит себя ждать. Вопрос: позволено ли пожертвовать человечеством ради *заблуждения*, требует отрицательного ответа. На практике это и происходит, ибо заблуждение и есть вера в истину.

¹ Да будет истина, да погибнет мир (*лат.*).

² Да будет ложь! Да погибнет мир (*лат.*).

3. Вера в истину или заблуждение. Исключить все *эвдемонистические* компоненты. (1. Как мою личную веру, 2. Как то, что мною найдено, 3. Как источник хорошего мнения обо мне других, славы, любви, 4. Как властолюбивое чувство удовольствия от протеста.)

Возможно ли после устранения всех этих компонентов высказывание истины исключительно из чувства *долга*? Анализ *веры в истину*: ибо всякое обладание истиной есть, в сущности, только вера в обладание истиной. Пафос, чувство долга идут от *этой веры*, а не от так называемой истины. Вера предполагает *безусловное могущество* индивидуальной *познавательной способности*, затем убеждение в том, что никто уже никогда не способен будет пойти в познании данного явления дальше, т.е. обязательность для всего огромного мира познающих существ. *Отношение* разрушает пафос этой веры, вводит, напр., ограничение силами человеческими, скептическое предположение, что все мы, возможно, заблуждаемся.

Но как возможен *скепсис*? Он представляет собой, собственно, *аскетическую* точку зрения мыслителя. Ибо он не верит в веру и разрушает тем самым все благое, что несет с собой вера.

Но даже скепсис заключает в себе веру: веру в логику. Самая крайняя позиция — это, следовательно, отказ от логики, *credo quia absurdum est*¹, сомнение в разуме и отрицание его. Так оно и происходит вследствие аскетизма. *Жить* с этим не может никто, как и в абсолютной аскезе. Чем доказывается, что вера в логику и вообще вера необходимы для жизни и что область мышления эвдемонистична. Но затем выступает требование лжи: если именно жизнь и *εὐδαιμονία*² есть аргумент. Против запретных истин обращается скепсис. Тогда фундамент для чистой истины отсутствует, влечение к ней есть лишь замаскированное эвдемонистическое влечение.

4. Всякий естественный процесс природы для нас принципиально необъясним; мы можем установить только ту или иную сцену, на которой разыгрывается сама дра-

3 Верую, ибо абсурдно (*лат.*).

4 Счастье (*греч.*).

ма. Тогда мы говорим о каузальности, хотя, в сущности, видим только последовательность событий. То, что в условиях определенной сцены всегда должна появиться эта последовательность, не более чем вера, которая бесконечно часто опровергается.

5. Логика есть только рабство в оковах языка. Последний заключает в себе, однако, нелогический элемент, метафору и т.д. Первая сила вызывает сравнение неравного, что есть, следовательно, результат фантазии. На этом основано существование понятий, форм и т.д.

6. Формы.

7. «Естественные законы». Близость друг к другу и к человеку.

8. Человек как законченная и отвердевшая *мера вещей*. Стоит нам помыслить его текучим и колеблющимся, и строгости законов природы как не бывало. Законы ощущения — как сердцевина законов природы. Механика движения. Вера во внешний мир и в прошлое, в естествознание.

9. Самое истинное в мире — любовь, религия и искусство. Первая умеет сквозь любое притворство и любые маски видеть суть, страдающего индивида, и ему сострадать, последнее утешает как практическая любовь в страданиях, рассказывая о другом миропорядке, научая презирать существующий. Это три нелогические силы, которые сознают себя таковыми.

«в каменистой выжженной пустыне одряхлевшего земного шара».

29 [9]

Пенцель, завербованный прусскими вербовщиками, стоял со своей частью в Кенигсберге, как простой мушкетер. Кант с кафедры удерживает его, «считая низостью то, что он так спокойно переносил до сих пор свое солдатское звание». Место из Лютера о том, что Бог не создал бы мир, если бы подумал о тяжелых орудиях.

29 [10]

Анализ ученого с точки зрения его чувства истины.

1) привычка, 2) бегство от скуки, 3) заработок, 4) уважение со стороны других ученых, страх потерять их ува-

жение, 5) стремление приобрести нечто свое (нечто должно быть «истинным», иначе другие снова его отберут), 6) завязывать узелки, развязывать узелки.

Мера чувства истинны: при опровержении старой теории, при нападках на их сословие, их образование, при дерзких выступлениях тех, кто не относится к цеху, ненависть против философии, потому что она не ценит ученого. Неистинное, когда оно общепризнано, рассматривается учеными как истина. Страх перед религиями и правительствами. 7) Известное тупоумие; они не видят *последствий* и не знают сострадания, 8) они не замечают главных проблем жизни и потому занимаются маленькими проблемами, т.е. в *главном они лишены потребности в истине*. Вот почему нигде нет Республики ученых, зато повсюду *ученая охлократия*. Редкий гениальный ум, друг истины, как и художник, окружены ненавистью и подвергаются остракизму.

29 [11]

Безусловное соответствие в логике и математике, не указывает ли оно на мозг, на руководящий и необычайно исключительный орган — на разум, на душу? Целиком и полностью *субъективное* — вот то, в силу чего мы *люди*. Это накопленное родовое богатство, к которому каждый причастен.

29 [12]

Естественные науки — это наше самосознание, сознание того, каким наследством мы владеем, регистрация прочных и застывших законов ощущения.

29 [13]

Ученый.

1. *Известная добросовестность*, почти только отсутствие склонности к притворству, которое требует некоторого остроумия. Повсюду, где присутствует диалектическая адвокатская манера, уместны сомнения и осторожность и в отношении этой добросовестности. Удобнее говорить правду в *adiaphoragis*¹, это отвечает известной косности. По

¹ Безразлично (транслит. *греч.*).

отношению к системе Коперника, напр., именно эта добросовестность встала в оппозицию, ибо она противоречила очевидному. Между тем для косного духа очевидность совпадает с истиной. Ненависть ученого к философии также есть прежде всего ненависть по отношению к длинным цепочкам умозаключений и к искусственности доказательств. Восхищение остротой ума связано со страхом и, по существу, каждое поколение ученых имеет свою меру *дозволенной* остроты ума; все, что выходит за эти рамки, отвергается.

2. *Острота зрения на близком расстоянии* при большой близорукости по отношению к удаленному и общему. Кругозор очень узок и все подносится к глазам очень близко. Когда ученый хочет перейти от одного пункта, только что исследованного, к новому, он приближает весь свой зрительный аппарат к этому пункту: он разлагает картину на мелкие части, будто пользуется театральным биноклем. Все эти части он *видит* несвязанными и только вычисляет принцип их связи. Вот почему ему недоступно сильное впечатление от общего. Он оценивает, например, какое-либо сочинение, не умея представить его себе в целом, по одному участку, относящемуся к области его специальных исследований. Исходя из своей манеры видеть вещи, он принужден начинать с утверждения, что картина, написанная маслом, представляет собой дикое нагромождение пятен.

3. *Нормальность его мотивов*, трезвость, поскольку посредственные натуры, а тем самым и массы, во все времена руководствуются одними и теми же мотивами. Их он вынюхивает. Крот лучше всего чувствует себя в кротовой норе. Здесь он защищен от множества искусственных и отклоняющихся от нормы гипотез, от всего исключительного, и, сам человек массы, выкапывает, если достаточно настойчив, все массовые мотивы прошлого. Правда, он неспособен понять редкостное, великое и исключительное, т.е. *важное и существенное*.

4. *Обедненность чувств* делает их способными даже к вивисекции. Он не подозревает о страданиях, которые несет с собой некоторого рода знание, и потому не боится проникать в опасные области. Крот не ведает головокружения. Он холоден и от этого часто кажется жестоким, не будучи таковым.

5. *Низкая самооценка*, даже скромность. Замкнутые в узком круге своих ученых занятий, они не ведают, что такое расточительство, даже что такое самопожертвование, в глубине души они чувствуют, что они существа ползающие, а не летающие. В этом они часто трогательны.

6. *Верность* по отношению к руководителям и учителям; они хотят оказать им помощь и хорошо знают, что наилучшим образом сделают это посредством истины. К учителям они испытывают благодарность, ибо только благодаря им получают доступ в святилище науки, куда сами они, без чужой помощи, никогда бы не вступили. В Германии тот, кто сумел открыть область науки, в которой могут работать посредством посредственности, заслуживает наибольшую славу; тем большую, чем больше у него последователей. Правда, каждый из них являет собой одновременно карикатуру на своего учителя. Даже его недостатки выступают в карикатурном виде, безмерно разросшимися и преувеличенными в лице незначительного человека, в то время как достоинства учителя уменьшаются пропорционально размерам ученика. В этом смысле последний выглядит уродцем и производит из-за ученической заботы комически трогательное впечатление.

7. *Привычный бег* по стезе, на которую он поставлен: стремление к истине, проистекающее от неумения мыслить и удобства следовать раз и навсегда усвоенной привычке. Это относится в особенности к умению *учиться*, которое многие сохраняют с гимназических времен, словно подчиняясь какой-то неизбежной необходимости. Такие натуры становятся собирателями, комментаторами, составителями указателей, гербариев и т.п. Их прилежание вытекает из косности их мышления, из бездумности.

8. *Бегство от скуки*. В то время как истинный мыслитель ничего не желает сильнее, чем праздности, ученый ее избегает, потому что не знает, что с нею делать. Его утешители — книги: он прислушивается к тому, что думает кто-то другой, и это его развлекает, помогает ему пережить долгий день. Особенно охотно он выбирает книги, которые так или иначе вызывают его интерес, задевают личную волю, позволяя ему до некоторой степени, благодаря симпатии или антипатии, испытать некий аффект: сочине-

ния, которые касаются его самого, или его сословия, его политических, эстетических или грамматических мнений. Если у него есть своя наука, то есть и средство, благодаря которому он снова и снова испытывает интерес.

9. *Заработок*. Они служат истине, если она может проложить им дорогу к более высокому положению и жалованью, если с ее помощью можно привлечь к себе внимание начальства. Но только *этой* истине они и служат: вследствие чего устанавливается граница между благотворной истиной и неблаготворной. Последняя не способствует зарабатыванию на хлеб и, поскольку она требует усилий и времени, отнимая их у первой, даже *препятствует* заработку. *Ingenii largitor venter*¹. «Борборигмы урчащего желудка».

10. *Уважение* со стороны других ученых, страх перед неуважением. Они все ревниво следят друг за другом, чтобы истина, от которой зависят честь, заработок, должности, действительно называлась по имени того, кто ее открыл. Уважение к истине, открытой другим, предписано потому, что оно оплачивается уважением к твоему собственному открытию. Неистинное быстро развенчивается, чтобы оно не считалось истиной и не перетягивало на свою сторону почести и титулы, причитающиеся только неоспоримой истине. Время от времени развенчивают и подлинную истину, для того чтобы создать свободное место для других истин, которые хотят признания. «Моральные идиотизмы, которые называются жульничеством». «Исключения из всеобщей совести».

11. *Ученый* из тщеславия, довольно редкий экземпляр. Он желает владеть чем-то вполне единолично, выбирает поэтому для изучения курьезы и радуется, когда и его самого с любопытством рассматривают как курьез. По большей части он довольствуется этим родом почитания и не ставит свою жизнь в зависимость от такого влечения к истине.

12. *Ученый из влечения к игре*. Его удовольствие заключается в том, чтобы выискивать узелки и распутывать их: при этом он старается не особенно напрягать силы, чтобы не утратить чувство участия в игре. Поэтому он не то

1 Желудок поощряет дарование (лат.).

чтобы вторгается в глубину, но все же часто замечает что-то такое, чего ученый, от науки кормящийся, не видит в силу тупости и ограниченности кругозора. По крайней мере, он получает удовольствие от истины и является дилетантом, представляя собой известную противоположность ученому для куска хлеба, который не знает наслаждения и безрадостно трудится в ярме своей оплачиваемой специальности или как хлыстом подгоняемый стремлением к карьере.

29 [14]

Не существует инстинкта познания и истины, а только инстинкт веры в истину. Чистое познание не инстинктивно.

29 [15]

Инстинкты, которые легко смешиваются с инстинктом истины.

1. *Любопытство*, способное доходить до жажды интеллектуальных *приключений*. Новое, редкостное в противоположность старому и скучному.

2. *Диалектический нюх* и инстинкт игры, удовольствие от извилистых лисьих ходов; важна не истина, а охота, хитроумное подкрадывание, оцепление флажками и т.п.

3. *Инстинкт противоречия*, личность стремится одержать верх над другой личностью. Фехтование на палках, удовольствие от борьбы, цель — личная победа.

4. *Инстинкт к отысканию известных «истин»*, проистекающий из *верноподданнического чувства* по отношению к лицам, религиям, правительствам.

5. Проистекающий от любви, сочувствия и т.п. к одному человеку, сословию или человечеству *инстинкт* поисков спасительной, дающей счастье истины — инстинкт основателя религии.

29 [16]

Все инстинкты связаны с удовольствием и неудовольствием — инстинкт истины, т.е. влечение к абсолютно чистой, лишённой последствий и не вызывающей аффектов истине не может существовать, ибо здесь нет места удо-

вольствию и неудовольствию, а между тем не существует инстинкта, который бы не направлялся предчувствием удовольствия. *Удовольствие мыслить* еще не указывает на жажду истины. Удовольствие от всех чувственных восприятий состоит в том, что они обусловлены *умозаключениями*. Вот почему человек всегда купается в море удовольствий. Но насколько способно *умозаключение, логическая операция доставлять удовольствие?*

29 [17]

Как только искусство возможно в качестве лжи!

Мои глаза, когда они закрыты, видят бесчисленные изменчивые образы — их производит фантазия, и я знаю, что они не отвечают реальности. Следовательно, я верю им только как образам, не как реальностям.

Поверхности, формы.

Искусство несет в себе радостную способность будить веру, изображая поверхность: но нас ведь не обманывают? Тогда искусство прекратилось бы!

Ведь искусство делает ставку на обман — но нас не обманывают?

Откуда берется удовольствие от попытки обмана, от видимости, которая всегда распознается как видимость?

Искусство имеет, следовательно, дело с *видимостью как с видимостью*, т.е. не хочет обманывать, оно *правдиво*.

Чистое, незаинтересованное созерцание возможно только применительно к видимости, которая осознается как видимость, совершенно не пытается соблазнить на то, чтобы поверить в нее как в реальность, и не затрагивает нашу волю.

Лишь тот, кто оказался бы способен рассматривать весь мир *как видимость*, смог бы смотреть на него, ни к чему не стремясь и ничего не желая, — таков художник, философ. Инстинкт тут перестает действовать.

До тех пор пока мы ищем в мире истину, мы находимся под властью инстинкта: но есть такие, кто хочет *наслаждения*, а не истины, они хотят веры в истину, т.е. наслаждения, доставляемого этой верой.

Мир как видимость — святой, художник, философ.

29 [18]

Все эвдемонистические инстинкты пробуждают веру в истину вещей, мира — так и вся наука направлена на становление, не на бытие.

29 [19]

Платон — как военнопленный, которого продают на рынке рабов, — зачем нуждаются люди в философе? Это позволяет догадаться, зачем желают они истины.

29 [20]

- I. Истина как покров, под которым прячутся совсем другие побуждения и влечения.
- II. Пафос истины направлен на *веру*.
- III. Инстинкт лжи фундаментален.
- IV. Истина непознаваема. Все познаваемое — видимость. Значение искусства как правдивой видимости.

29 [21]

1. Изображение слуг истины.
2. Обуздание и ограничение познания в пользу жизни, культуры.
3. Справедливость среди объектов познания, оценка ее важности. Великое.
Воззвать к возвращению к главным вещам и проблемам.
Устранение ложного блеска.

29 [22]

Силы, оказывающие духовное воздействие, рассеяны по всему прошлому — образование *колоний!* Но, когда все переселяются, сама родина беднеет. Переселенцев надо позвать назад, чтобы они совершили необходимое. Против всеобщего *laissez*¹ в науках.

Все так разрозненны и далеки друг от друга, что нет, кажется, ничего, что связывало бы всех: цементирующий материал поставляет наша газетная культура.

¹ Невмешательства (*фр.*).

Позволительно ли, чтобы юноша растрачивал свои силы на выполнение микроскопической работы, которая отвлекает его от формирования самого себя?

29 [23]

Разного рода служители истины.

Сначала оптимистическое удивление! Как много исследователей истины!

Допустимо ли, чтобы так расплылись лучшие силы?

Обуздание познавательного инстинкта:

классически-антикварного.

Пессимистическое удивление! Да ведь все это не исследователи истины!

Цена справедливости как матери истинного влечения к истине.

Проверка «служителей истины» на их чувство справедливости.

Хорошо, что все они в *эмиграции*: ибо они только бы повсюду мешали и вредили. Мы назвали бы их поденщиками истины, они служат ей против своей воли и вздыхая.

Наука для них — исправительное заведение, галера.

Отсылка к *Сократу*, который всех их называет безумцами, они изначально не понимают, что есть добро, а что зло.

Обезвреживание науки посредством монастырей.

Наша задача: вновь соединить расколотое и рассеянное, сплавить все воедино, создать наковальню, чтобы можно было выковать немецкую культуру — в стороне от культуры газет и популярной науки.

29 [24]

То, на что жалуется *Цельнер*, бесконечные эксперименты и недостаток логической дедукции, обнаруживается и в исторических дисциплинах — недооценка классического в противоположность антикварному. Так теряется смысл исторической науки, все переносится на плоскость. Подобно тому, как там все больше опошляется картина мира, рисуемая одними популяризаторами, так и здесь — картина прошлого.

29 [25]

Шиллер: вы намереваетесь огородить истину, но она проходит между прутьями ограды.

29 [26]

«*Всяческие служители истины*»

1. Показ *laissez faire*¹ в науке. Отсутствие диктатуры.
2. Следствие: отсутствие цементирующего элемента (вместо этого — газетная культура).
В общем все большее одичание.
Усыхание образа служителя истины.
3. Отсюда многие *прокрадываются* незаконно. *Показать это*.
4. Отношение к этому немецкой культуры: какова задача? (отношение Гёте к естествознанию.)

29 [27]

Протест против рассечения живого. Надобно сохранить жизнь тому, что еще не мертво, и не обращаться с ним сразу же как с научным объектом.

29 [28]

Убиение знанием: собственно, это даже не знание, а беспокойное, любопытствующее подслушивание, т.е. необходимое *средство* и *conditio*² науки. Желание участвовать в разговоре в то время, когда слова только мешают.

Defienda me Dios de tu «Боже, защити меня от меня самого».

29 [29]

Всякое воспоминание есть сравнение, т.е. уравнивание. Об этом говорит нам любое понятие; это «исторический» прафеномен. Жизнь требует уравнивания настоящего с прошлым. Причем таким образом, что с операцией сравнения всегда связано известное насилие и искажение. Этот инстинкт я обозначаю как влечение к классическому и образцовому: прошлое служит прообразом настоящего.

1 Принципа невмешательства (*фр.*).

2 Условие (*лат.*).

Противостоит этому инстинкт антикварного, который стремится схватить прошлое как прошлое, не искажая, не идеализируя его. Потребность жизни обуславливает классическое, потребность в истине — антикварное. Первое обращается с прошлым как искусство, облагораживает его эстетически.

Если представить себе преобладание другого направления, то прошлое перестанет существовать, быть образцом и прообразом, ибо оно перестанет быть идеалом, а станет индивидуальной действительностью, как и настоящее. Тогда оно не служит жизни, а направлено против этой жизни. Практически этим будет достигнуто то, что было бы достигнуто, если бы были сожжены все кунсткамеры и библиотеки. Настоящее окажется в изоляции, будет собой удовлетворено и будет соответствовать своей сущности и своим потребностям, обнаружится, следовательно, что оно есть, насколько в нем величия и насколько *пошлости*.

Но чем же полезен для современности инстинкт классического? Он намекает: то, что было однажды, во всяком случае является *возможным* и потому может, вероятно, наступить снова (подобно тому как пифагорейцы думали, что когда звезды займут то же положение, всё начнет происходить снова так же). Но о возможном и невозможном думает мужественный и дерзкий: прошлое придает ему силы, напр., когда он надеется, что 100 творческих людей в состоянии создать всю немецкую культуру, ссылаясь на то, что именно так была создана культура Возрождения. Человечество растет, ориентируясь на великое и невозможное.

29 [30]

Предположим, что кто-то верит, будто бы нужно не более 100 творческих, воспитанных в новом духе людей для того, чтобы покончить с господствующей ныне в Германии модой на образованность, каковую веру должно укрепить в нем представление о том, что культура Возрождения выросла на плечах такой сотни.

29 [31]

Высокая оценка истории и сил, которые она расточает. Антикварная манера, стремящаяся, по возможности, к устра-

нению классической или пониманию ее в качестве сугубо индивидуальной возможности. Поскольку, чтобы осмыслить таким образом какой-либо отрезок прошлого, требуется много ума, то начинают считать, что сам разум ее и породил. Так возникает ложная вера в разумность истории, причем абсолютная необходимость понимается как манифестация разумного и целесообразного. Но величайшая сила истории — это глупость и дьявол. Мужество сникает, когда видишь, как много возможностей было представлено в истории. Если не стараться *оценивать* (не выделять из прошлого классическое и хорошее), а всё понимать только как результат становления, то антикварный подход ослабляет, ибо он и в нечувственном открывает смысл и разум. История желает одного *великого* подхода; иначе она производит рабов.

Во-вторых, имеется мера допустимой ретроспективности недопустимого. Запретна вивисекция; детям надо запретить разнохивать, где кладутся яйца. Инстинкт истины, рассекающий только что пережитый момент, убивает последующий. В то время, когда человек познаёт, он не живет.

К этому же — какие опасности несет с собой антикварный подход, когда он овладевает толпой и незначительными умами! В конце концов все распадется на таких, кто исторически живет и кто исторически умерщвляет. Какое фатальное любопытство, беспокойство, подслушивание, предательство, хитроумие по отношению к становящемуся! Днем не вызывают духов. Всякое время нуждается в таком количестве истории, которое может переварить, вобрать в плоть и кровь; так что самое сильное и великое время может вынести больше всего истории. Каково же, когда ею переполняются времена бессильные! Какие наступают тогда недуги от несварения, какая усталость и обессиленность!

29 [32]

Случается, что народ сам себя губит посредством истории: подобно человеку, который лишает себя сна. Пережевывание жвачки свойственно некоторым животным; но разрушать себя пережевыванием — таково свойство,

присущее временами только человеческому скоту. Когда все, что становится, начинают считать интересным и достойным изучения, то очень скоро для всего, что *должно* быть сделано, утрачиваются масштаб и чувство, и на людей нападает равнодушие.

29 [33]

Мифология, которой окружают себя антикварные люди, — идеи «которые любят открывать себя во все более чистых формах» и т.п.

29 [34]

Монументальное не оглядывается на причины. «Эффект сам по себе», «то, что производит эффект во все времена» (или то, что может возникнуть во все времена, причины для чего имеют место всегда).

29 [35]

3. Каким образом возможно монументальное? Или о пользе истории. Вспомогательное понятие «чисточеловеческое» или великое и необыкновенное, от которого всё снова и снова воспламеняется великое. Стремление антикваров свести необыкновенное к понятному, т.е. к обычному. От этого они в меру сил уничтожают монументальное.

Далее, из кодекса монументального рождается необходимость и канон современного художника, с помощью которого ведется борьба против возникновения, развития; великое не должно становиться, оно должно быть всегда.

Антиквары говорят: великое есть, в сущности, обыкновенное и всеобщее; они тоже борются со становлением великого (путем уменьшения, осквернения и т.д.)

Так обе исторические школы ведут борьбу с великим: как с монументальным, так и с обыкновенным. Так было во все времена. Вопреки тому и другому необходимо утвердить права исторически великого, которое опровергнет первое тем, что завоюет себе право вступить в храм монументального, а второе — тем, что оно, наконец, снова станет само объектом познания и тем самым приобретет интерес и для антикваров.

29 [36]

История принадлежит тому, кто действует. Какой отвратительный спектакль, когда видишь, как по пирамидам карабкаются любопытные буквоеды, эгоисты или туристы. История выставлена теперь на показ, как картины в галерее, — для праздношатающихся. Прежде в ней искали силы и утешения, теперь хотят уверенности, отвлечения от реальности, связанных со стремлением к искусству и величию.

29 [37]

Чем *объясняется* гипертрофия чувства истории?

1. *Враждебностью* к вымышленному, мифическому.
2. *Враждебностью* по отношению к *проблеме жизни*.
3. В ней *прячутся*, ею *драпируются* те, кто ею *занимается*, — это *легче*, чем искусство.
4. Она разлагает и придает вялость, потому что с помощью аналогий убивает и ослабляет чувство справедливости и инстинкты, короче говоря, наивное в нравах и поступках.
5. Она демократична и допускает до себя каждого, дает пищу и незначительным умам. Она представляет идеал стремления к истине, из которого не проистекает ничего.
6. Насколько она, по существу, чужда продуктивным сильным инстинктам, показывает, напр., история евангельской критики. Сравни эпоху Реформации.

29 [38]

Историческая болезнь.

1. При пифагорейской констелляции можно было бы говорить о пользе истории. Но в остальном у каждого действия своя, отличная от других мотивировка.
2. Сравнение предполагает уравнивание. Понятие памяти. Классическое и монументальное, обобщение и позиция, идеализирующая «эффект в себе», «общечеловеческое» как иллюзия. Иллюзия монументального способствует порождению великого.
3. Борьба с величием и редкостным, а также против монументального со стороны антикваров. Все, что

было, представляет интерес и является разумным: парализующее влияние антикваров на историческую деятельность.

4. Современный историк как амальгама обоих инстинктов, гермафродит. Его мифология. Его негативная практика. Воздействие на искусство, на религию. Опасность для нарождающейся культуры. Вивисекция. Нельзя быть и тем, и другим, классиком и антикваром; надо быть чем-то одним, но цельным. Отсутствие влияния у современных историков: их уход в мелочную критику и американизованную прессу. Современному историку недостает основ: он произволен в монументальном, убийствен в антикварном и лишен корней в культуре.

29 [39]

В сущности, каждый рад, когда день прожит. Смешно принимать его настолько всерьез, чтобы думать, будто на следующий же день он начнет заниматься историческими исследованиями. Ибо главное учение, которое мы извлекаем из каждого дня, проникнуто мыслью о том, что «жизнь дана, чтобы ее *выстрадать*», что она — «наказание». В главном же, т.е. именно в том, что касается общей оценки жизни, ни одно событие не может научить чему-то принципиально *новому*, и человек, живший несколько тысячелетий назад, может быть столь же мудрым, как и тот, кто может пользоваться опытом этих 2000 лет. Для человека, который претерпевает свою жизнь как *страдание*, история не значит ничего; повсюду находит он ту же проблему, которую ставит перед ним каждый день. Но она есть нечто для того, кто *деятелен*, для *немудрого*, в которого еще все вселяет надежду, кто не отчаялся и борется — такой нуждается в истории как в сумме примеров того, что может быть человеком достигнуто, какими почестями может быть он окружен, но в особенности история как *храм славы*. Она воздействует как образец и придает силы.

29 [40]

Но вот история как *наука*! Тут речь идет, следовательно, о *законах*, личности мало кого интересуют, муже-

ство и энтузиазм тут не важны, они скорее мешают. При условии, что законы могли быть установлены, мы получим в качестве результата *детерминизм*, и деятель снова окажется страдальцем, причем вовсе не потому, что моральное чувство привело его к отчаянию. К тому же законы мало чего стоят, ибо они выводятся из масс и их потребностей, т.е. как законы движения низших пластов почвы и глины. Глупость и голод присутствуют всегда, как в любом французском судебном процессе *la femme*¹. Зачем знать такие законы, если каждый ведь, их не зная, веками уже действовал в соответствии с ними! Сильный и великий человек всегда пробивал себе дорогу вопреки этим законам: только о нем одном и следует, собственно, вести речь. Массы заслуживают рассмотрения только 1) как расплывчатые копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге и износившимися инструментами, 2) как сила, противодействующая великому человеку, 3) как орудие великого человека. В остальном же черт их побери!

29 [41]

Статистика доказывает, что в истории есть законы. Да, она доказывает, насколько пошла и отвратительно выровнена масса. Попробовали бы вы заняться статистикой в Афинах! Тогда вы почувствовали бы разницу! Чем низменнее и недифференцированное масса, тем строже статистические законы. Если масса изысканнее и благороднее, закон сразу же идет ко всем чертям. А на самой вершине, среди великих умов, вы и вообще не сможете больше вычислять: напр., когда женились великие художники! Никакой надежды, что вам и здесь удалось бы вывести закон. Итак: поскольку в истории имеются законы, они лишены какой бы то ни было ценности, и история, т.е. то, что произошло, тоже лишена ценности.

Кроме того: что означают здесь «законы»? Равны ли они в каком-то отношении законам природы или законам юридическим? Они ведь не говорят «вы должны», но «к сожалению, так было». Это выражение *глупого* фактического отношения, по поводу которого никто не может задать во-

1 Женщина (*фр.*).

прос «Почему?». «Здесь ежегодно заключается приблизительно 40 браков». — «Почему именно столько, а не 80?» — «Вот так и не иначе!» Очень поучительно! Благодарствуйте.

Существует, однако, направление, которое рассматривает большие массовые влечения как нечто важное, а всех великих людей как их выражение, своего рода видимые пузыри на водной поверхности. Тут масса должна рождать из себя великое, хаос порождать порядок. В заключение не обходится, разумеется, без гимнов в честь рождающей массы; да здравствует история!

Другое направление стремится проанализировать всё, что было «исторической силой», и в зависимости от этого оценивает «великое»: «великим» называют то, что оказывало воздействие в течение длительного исторического времени. Это значит не что иное, как путать количество и качество. Если тупая масса находит соответствие себе в какой-либо мысли, религии и упорно ее отстаивает, тогда создатель этой мысли должен считаться великим! Но почему же! Самое благородное и высокое вовсе не влияет на массы: а исторический успех христианства ничего, к счастью, не доказывает относительно его основателя, так как, по существу, это аргумент *против него*. Первоначальное положение дел здесь, кажется, совершенно забылось, и осталось лишь имя для массовых тенденций да множество честолюбиво-эгоистических одиночек.

29 [42]

Обожествление успеха весьма соответствует человеческой подлости. Тот, кто хотя бы однажды проштудировал историю какого-либо успеха, знает, какие факторы (глупость, злоба, лень и т.д.) ему способствовали, — отнюдь не самые слабые. Превосходно, что успех оценивается выше, чем предшествовавшая ему прекрасная возможность! Видеть осуществление доброго и справедливого именно в истории есть особенно наглая насмешка над добром и справедливостью. Эта прекрасная всемирная история представляет собой, как сказано у Гераклита, «бесформенную кучу мусора»! *Сила* пробивает себе путь — вот всеобщий закон, если бы только она не была так часто глупой и злой!

29 [43]

Лютер: «Цицерон, мудрый и трудолюбивый муж, много страдал и многое совершил».

29 [44]

Англичанин о Берлине: «В Берлине тот, кому не по вкусу пивные и винные погребки, будь он беден или богат, будет жить и умрет несчастным».

29 [45]

Страшный опыт понимания характеров и индивидов, а вместе с тем и оправдания их, исходя из их жизни, основывается, видимо, на справедливости и побуждает к справедливости по отношению к современникам. Этому противоречит то, что именно от современников требуем мы самого фатального единообразия и менее всего справедливы по отношению к разнообразным характерам. Самый опытный историк есть в отношении к своему времени «un personnage *haineux*»¹, всегда *несправедлив* или *высокомерен*.

29 [46]

Сословие ученых — это своего рода клир, который презирает профанов; оно — наследник духовного клира, не будь этого унаследованного почтения, наше время едва ли уделяло бы так много внимания науке. То, что раньше отдавали религии, отдают ныне, хотя и более скудно, науке, но то, что вообще дают, обусловило когда-то силу церкви, которая и теперь еще чувствуется в научном клире. Именно занятия *историей* представляют собой все еще замаскированную теологию, учение о деятельности Бога или разумного начала. Если толпой овладеет мнение, что история не наука, а пустозвонство, никто не станет больше способствовать ее развитию.

29 [47]

Проклятая *народная* душа! Когда мы говорим о *немецком духе*, мы имеем в виду великих немцев, Лютера, Гёте, Шиллера и некоторых других, а не мифический фантом

1 Лицо злобное (*фр.*).

объединенной бездуховной массы, в которой — — — Лучше уж было бы говорить о лютероподобных людях и т.д. Мы должны соблюдать осторожность, прежде чем назвать что-либо немецким: вначале это *язык*, но рассматривать его как выражение народного характера — чистое фразерство. До сих пор не удавалось применить эту мысль ни к одному народу, не впадая в фатальную неопределенность и болтовню. Греческий язык и греческий народ! Попробуйте свести их вместе! К тому же тут так же, как и с письмом: важнейший фундамент языка именно не *греческий*, а, как теперь говорят, индогерманский. Несколько лучше обстоит дело со стилем и с человеком. Подыскивать предикаты к народу всегда очень опасно: в конечном счете все так перемешано, что только на поздней ступени утверждается в языке единство или его иллюзия. Да, немцы! Германский рейх! Это нечто, люди, говорящие по-немецки, тоже нечто. Но германская раса! Немецкое как единство художественного стиля — все это еще только предстоит *найти*, у греков греческий стиль тоже был найден довольно поздно: более раннего единства не существовало, зато ужасный *κράσις*¹.

29 [48]

Против параллели между историей и *юностью*, *зрелостью* и *старостью*: в этом нет ни грана истины! Пять-шесть столетий — это вообще ничто, никакое не единство, потому что постоянно добавляются новые народы, а старые впадают в зимнюю спячку. В конечном счете дело идет вообще не о народах, а о людях. *Национальности* по большей части — лишь *следствие* застывших правительственных мер, т.е. своего рода искусственное возвращение при помощи силового давления и укрощения, наряду с принуждением вступать в браки, разговаривать друг с другом и жить вместе.

29 [49]

Выражаясь по-христиански: *сатана* правит миром, и так оно и будет. Но нынче говорят культурнее: система

2 Смешение (*греч.*).

борющихся друг с другом эгоизмов. При этом представляешь себе лес, который растет так ровно и регулярно потому, что все деревья послушны только своему эгоизму.

29 [50]

1) *опасность монументального*, которое, натасканное из всех времен и сведенное вместе, смущает и ослабляет ищущий инстинкт. Так и знание всех отношений и общественных слоев: будь оно у крестьянина, что сумел бы он плугом!

29 [51]

Обуздание неограниченного исторического чувства необходимо: и одна форма такого обуздания, хотя и не нужная, уже действительно существует — обуздание посредством трезвого, униформированного духа времени, который повсюду ищет себя и думает, что находит, и кроит историю по своей мерке. Такое перекраивание я вижу в отношении Цицерона (Моммзен), Сенеки (Хаусрат), Лютера (Протестантский ферейн) и т.д. В другом роде обуздывал и насиловал историю Гегель, он, которого справедливо было бы назвать немецким «гением истории»; ибо он чувствовал себя на вершине и в конце развития, а тем самым и владеющим всеми прошлыми временами, их упорядочивающим *voûs*¹. Всякая попытка осмыслить настоящее как высшую точку разрушает современность, ибо отрицает значение истории как образца. Ужасающая формула — гартмановское «отдаться *мировому процессу*».

Куда это заводит, когда история рассматривается как *процесс*, показывает Э. Ф. Гартман, с. 618 (что и объясняет мне его колоссальный успех). Исторические взгляды вступают здесь в братский союз с пессимизмом: и смотрите, к чему это приводит! Возрасты отдельного человека используются для аналогии, отнюдь не лестное описание современности ведет лишь к тому выводу, что это — необходимый процесс и надо отдаться ему во власть. В качестве аналогии служит весьма обыкновенный человек, чья зрелость воплощается в «благополучной посредственности»

1 Ум (*греч.*).

и в искусстве, которое означает для него в среднем приблизительно то же, что «берлинскому биржевику вечерний фарс». Заботит его прежде всего «уверенная в будущем благоустроенная практическая жизнь на земной родине». При этом своего рода кисло-сладкий императив: «безжалостен и жесток этот труд разрушения иллюзий, как грубое рукопожатие, которое должно пробудить того, кто погружен в сладкие сны, для мучений действительности; но мир должен идти вперед; цель не достигнешь мечтами, ее нужно добиться борьбой и усилиями, и только боль ведет путем избавления». Непонятно только, каким образом процесс, зрелый этап которого был описан выше, вступит наконец «в фазу зрелой созерцательности, когда человечество с ностальгической печалью обозрит прожитую им биографию с ее бурными страданиями, осознает ее единство и всю тщету прежних устремлений». С. 625 и далее. Но если человечеству суждено, как Леопарди, пережить свою старость, то оно должно бы стать благороднее, чем оно есть, и в первую очередь достичь другой зрелости, чем та, которой наделяет его Гартман. Старец, который соответствовал бы такому возрасту зрелости, был бы весьма отвратителен и с дикой жадностью держался бы за жизнь, сильнее прежнего погруженный в пошлую иллюзию.

29 [52]

Гартман важен, поскольку он убивает идею мирового процесса, поскольку он последователен. Для того чтобы эту мысль вынести, он выдвигает в качестве *τέλος*¹ сознательное избавление и свободу от иллюзий, выбор гибели. Но конец человечества может наступить с каждым мгновением в результате геологических изменений: а всякая свобода от иллюзий предполагала бы высокое развитие моральных и интеллектуальных сил, что совершенно невероятно. Скорее всего, по мере их старения иллюзии становились бы все более могущественными, а старческий возраст завершился бы *впадением в детство*. Утешительным такой итог не назовешь, и, конечно, он не может определяться как *τέλος*. Кроме того, если изображать зре-

1 Цель (*греч.*).

лый возраст так, как это у него сделано, то это означало бы, что способность воспринимать существование как проблему постоянно понижается, и потребность в избавлении становится соответственно все меньше. Мы хотели бы воздержаться от любых конструкций *истории человечества* и вообще подвергнуть рассмотрению не массы, а рассеянных там и тут одиночек; последние образуют мост, перекинутый через дикий поток. Они не то чтобы продолжают процесс, но живут совместно и одновременно, благодаря истории, которая допускает совместную деятельность.

Это «Республика гениев». Задача истории в том, чтобы посредничать между ними и тем самым все снова побуждать и давать силы к созданию великого и прекрасного. Цель человечества не может находиться в конце, она в высших экземплярах, которые, рассеянные по тысячелетиям, представляют все вместе высшие силы, которые таятся в человечестве.

Сверх того: *мировой* процесс! Ведь речь идет всего лишь о проделках земных человеческих насекомых!

Гартман говорит, с. 637: «Приписывать мировому процессу бесконечную продолжительность в *прошедшем* означало бы вступить в противоречие с понятием развития, ибо тогда всякое мыслимое развитие должно было бы быть уже пройдено, что, *однако, не имеет места (!!!)*; и точно так же мы не можем признать бесконечную длительность процесса в *будущем*; то и другое отменяло бы понятие *развития в направлении цели* и уподобило бы мировой процесс вычерпыванию воды данаидами. Окончательная победа логического над нелогическим должна, следовательно, совпасть с *временным завершением мирового процесса, с днем Страшного суда (!)*».

От этого гартмановского мирового процесса хочется убежать под защиту хаоса атомов Демокрита и дарвинистского учения о существовании жизнестойких организмов, вступающих в бесчисленные комбинации. Здесь остается все же место для великих индивидуальностей, пусть даже на поверхность их выбрасывает случай. У Гартмана отрицание воли — это заблуждение, а утверждение жизни — собственно долг. В конечном счете именно большинство

на земле должно проголосовать за уничтожение и возвращение в ничто!

Вопреки этому наше учение состоит в том, что *сознание развивается лишь посредством все более высоких иллюзий*. Мы с нашим сознанием находимся на такой низкой ступени (в сравнении, напр., с греками) потому, что наши иллюзии *ниже* и *пошлее*, чем у них. Этот прогресс в сторону посредственности я не в состоянии назвать прогрессивным движением к зрелости. Если представить себе, что иллюзии исчезли, то сознание затуманится до уровня растения. Иллюзии есть к тому же только отражение неизвестного положения дел. Привести человечество к *самомнению*— вот цель Гартмана: а потом всеобщее самоубийство: совершаемое большинством людей! Тогда мир перевернется и снова погрузится в океан Ничто. Задача последующих поколений— путем предания себя во власть мирового процесса, т.е. утверждения воли к жизни, насадить неоправданно высокое самомнение!

Отвратительная книга, позор нашего времени! Насколько бесконечно чище, возвышеннее и нравственнее пессимизм Шопенгауэра! Эта гартмановская философия— *гримаса христианства*, с его абсолютной мудростью, Страшным судом и избавлением и т.п. безумная спекуляция, направленная на эффект *уродливой парадоксальности* в сочетании с *laissez faire*¹. Современность Давида Штрауса включается в мировой процесс, находит в нем себе место и таким образом получает оправдание. Отсюда успех у околосредствительной массы (что нынче означает успех вообще: заставить публику выложить деньги, уж это-то они умеют!).

29 [53]

«Мировой процесс» Гегеля совершался в сытом прусском государстве с хорошей полицией. Все это замаскированная теология, еще и у Гартмана. Но мы не в состоянии мыслить начало и конец: так предоставим это развитие самому себе! Ведь это же смешно! Человек и «мировой процесс»! Земляная блоха и мировой дух!

¹ Принципом невмешательства (*фр.*).

29 [54]

Для чего живут в мире люди, для чего живет «человек», вовсе не должно нас заботить: но для чего живешь ты, об этом спроси себя, и если ты не можешь этого узнать, то поставь сам себе цели, *высокие и благородные цели*, и, преследуя их, погибни! Я не знаю лучшей цели жизни, чем погибнуть во имя великого и невозможного: *animaе magnae prodigus*¹.

29 [55]

1. *Изобразить чувство истории* в конечном счете с его крайностями, с мировым процессом и выведенным отсюда моральным законом.
2. Внутренние *причины* этой гипертрофии исторического чувства.
3. *Значение истории для культуры.*

29 [56]

Историческое в *воспитании*. Молодого человека под кнутом прогоняют по всем столетиям, у греков и римлян этого не было. Да еще политическая история для юношества! Для тех, кто ничего не может понять в войнах, государственных делах, торговой политике, вопросах власти и т.д. Так проходит современный человек через галереи, так слушает он концерты! Это звучит иначе, чем то, что чувствует он, и называет это «историческим суждением».

Масса так велика, что следствием должно стать отупение. Страшное и варварское заполняет всё, в преизбытке, и там, где сохраняется утонченность сознания, чувство одно: отвращение. К тому же молодые люди отчуждаются от родины и учатся сомневаться во всех обычаях и понятиях. В каждую эпоху они были другими: «дело не в том, каков ты есть». В зависимости от $\eta\theta\omicron\varsigma^2$ человек решится теперь на плохое или на хорошее (т.е. великое): «Так идите свободными, навстречу опасностям, без помочей». К счастью, ум молодежи в большинстве случаев так неразвит, что из этого не выходит ничего существенно-

¹ Не щадящий великой души (*лат.*).

² Характера (*греч.*).

го, только смутное беспокойство; отсутствует сильная фантазия, и вторгающиеся массы слишком велики, всё оказывается затопленным.

Такая мера истории никому не нужна, как показывают древние, она даже в большой степени опасна, как показывают новые.

И вот студент-историк! Он обследовал одну совершенно изолированную главку прошлого; теперь он — слушатель науки, истины, отныне никакой больше скромности, он готов! Ученое самомнение *препятствует* высшему роду воспитания. Молодых докторов истории я рассматриваю как людей, которые в культуре не умеют считать до трех и в большинстве случаев и не станут считать: ибо они уже «продуктивны»! О Боже!

29 [57]

Всё воспринимать «объективно», ни на что не гневаться, ничего не любить, всё «понимать» — это называется теперь «историческим чувством». Власти способствуют формированию такого чувства еще охотнее, чем способствовали гегельянству; ибо оно делает сговорчивым и гибким. Прежде всего в этом духе воспитывается вся печать: гневаются и негодуют только «артистически», в остальном все чувствуют свое превосходство и всё «понимают»: tout comprendre c'est tout pardonner¹: но они не «прощают», они всё «узаконивают». Сам не связанный никакими убеждениями, исторический журналист отрицает все связи: он допускает их существование только в утилитарном смысле.

Эпоха, которая должна наступить, это уже не эпоха гармонической личности, но эпоха «совместного труда». Это означает только: люди, *прежде* чем они сформируются, используются на фабрике. Но будьте уверены, в недалеком будущем наука будет разрушена, так же как и люди этого фабричного труда. «Благополучное большинство» будет становиться всё более серым, человек будет становиться мудрее, чем когда-либо в чём-то *одном*, а во всём другом глупее, чем любой прежний ученый: однако, in summa, бесконечно самонадеяннее. Система чернорабо-

¹ Всё понять значит всё простить (*фр.*).

чих, которые объявляют гения излишним: по вашим постройкам будет видно, что они кое-как *составлены*, но не *воздвигнуты*. Тому, кто вечно твердит «разделение труда», «в общем строю» и т.д., следует сказать ясно и четко: если вы хотите развивать науку как можно быстрее, вы как можно быстрее ее уничтожите; так умирает наследка, которую вы искусственным путем принуждаете быстрее нести яйца. Хорошо, наука в последние десятилетия развивалась быстрее: но посмотрите на ученых, этих истощенных наследков. Они поистине больше не «гармонические натуры»; только вхохчут они больше, чем раньше, но и яйца, которые они откладывают, меньше, чем когда-либо. Отсюда и излюбленная «популяризация» истории для «разнородной публики». Ученым это так легко, потому что они и сами, за совсем небольшим исключением, представляют собой «очень разнородную публику» и потребности ее несут в самих себе. Стоит им только, укутавшись в шлафрок, сесть за стол, как узкая область их профессиональных занятий сама собой раскрывается навстречу потребностям смешанной публики. Эта нетрудная операция определяется обычно высокопарными словами об ученом, который «скромно снисходит до народа», тогда как снисходит он, в сущности, поскольку он сам не ученый, а та же чернь, до самого себя. Создайте сначала народ — его вы не способны помыслить себе достаточно благородным и великим. Вашу же «разнородную публику» нелегко помыслить себе достаточно пошлой!

29 [58]

В *заключение*. Если эти размышления вызвали у вас *недовольство*, то автор скажет вам, что это он предвидел. Чего он, однако, не мог предвидеть — это в какую сторону направите вы свое недовольство: против автора или против самих себя. В последнем, несомненно, редком случае, вы поступите наилучшим образом, если совсем забудете об авторе: какая разница, кто говорит истину: если только она вообще произносится и есть те, кто принимает ее близко к сердцу. Писал я для обоих классов и, как я надеюсь, достаточно ясно.

29 [59]

Никто в мире не говорит о бессознательном, потому что оно, по существу, непознаваемо; только в Берлине об этом говорят, и что-то об этом знают, и рассказывают нам, что это значит. А именно то, что наше время должно быть таким, какое оно есть, если человечество должно когда-нибудь пресытиться этим существованием: во что мы всей душой верим — в то время как один только Э. фон Гартман это *знает*. То, что Давид Штраус приемлет как наивный факт, Гартман оправдывает не только сзади, *ex causis efficientibus*¹, но даже и спереди, *ex causa finali*². С вершины Судного дня проливает он свет на нашу эпоху, и тут выясняется, что она близится к зрелому возрасту человечества, к тому благословенному состоянию, когда будет только благополучное большинство, искусство того рода, в каком нуждается по вечерам берлинский биржевой маклер, когда «гений перестанет быть потребностью времени, ибо это значило бы метать бисер перед свиньями, и еще потому, что эпоха оставила уже позади стадию гениев и вступила в более *важную* стадию» (с. 619). Нам бы хотелось, чтобы это было только нашей опиской, но я лишь списал с оригинала: все находится в самом жалком состоянии, оно станет еще хуже, но это должно так быть, это должно случиться, «мы видим, как Антихрист забирает всё большую власть» (с. 610). Но при всем том мы на верном пути: «и потому смело вперед в ногу с мировым процессом, как работники в винограднике Божьем, ибо только процесс может привести нас к спасению» с. 638. Разгадаем ли мы Гартмана, если увидим в нем иронического насмешника, который решил навсегда придать представлению о «мировом процессе» комическую окраску? В этом смысле редко встретишь более забавные выходки и большее философическое мошенничество. Однако литературная братия мало что расслышала и нашла здесь только свое собственное оправдание в апокалиптическом свете; никто не понял, что Гартман сочинил свою философию мирового процесса как философию для современных

1 Из действующих причин (*лат.*).

2 Из конечной причины (*лат.*).

плутов. В этом — истинная привлекательность всех измышлений Гартмана: знающий чувствует, что он говорит несерьезно, или ровно настолько серьезно, чтобы соблазнить незнающего.

29 [60]

Грильпарцер: «Каждый человек подчинен своей индивидуальной необходимости, так что миллионы стремлений идут рядом друг с другом, по прямым и изогнутым линиям, пересекаются, ускоряют или задерживают друг друга, движутся вперед и назад и от этого приобретают друг для друга характер случайности, делая таким образом невозможным доказательство всепроникающей, всеохватывающей необходимости событий, если даже и не считаться при этом с влиянием явлений природы».

Впрочем, изучению подлежит только завершенное, готовое, мертвое, ибо только в этом случае видны последние поучительные следствия.

История как «мировая система страстей и заблуждений». Негативное учение: чего следует остерегаться.

Грильпарцер: «С расцветом и увяданием народов связано нечто странное. В каждом живет некая активная сила, которая действует благотворно до тех пор, пока приходится преодолевать препятствия, но после того, как победа одержана, она обращается против себя самой».

29 [61]

Если стоик и эпикуреец придут к согласию, то они вступят в заговор, чтобы убить Цезаря.

29 [62]

Сами факты рассматриваются как «непосредственные излияния мирового духа», только они обладают, как будто бы, необходимыми достоинством и глубиной, и потому трагическое искусство должно подчиниться истории. Смешно! История! «Что есть история как не способ, которым человеческий дух воспринимает непостижимые для него события; связывая то, что, бог знает, имеет ли связь. Непонятное замещается понятным, под наше понятие о внешней целесообразности подводится целое, знающее

только внутреннюю целесообразность; и опять же случай, составленный из тысячи мелких причин. Что же еще есть история! Разве она что-то иное, чем произведение, сочиненное людьми! Но историк сочиняет не события, а только их связь и обоснование; так почему бы не позволить ему, подобно поэту, самому выдумывать для себя и события, если ему так хочется».

29 [63]

Как сказано было об актере, его искусство включает в себя три ступени: «*понять* роль, *почувствовать* роль и постичь ее сущность», причем только все три ступени создают истинного актера. Так можно было бы сказать и о великом человеке в истории: прежде всего он видит то, что необходимо сделать, свою миссию как сумму разрозненных очевидных поступков. В редких случаях он чувствует, что миссия его в единстве всех этих поступков, и реже всего он свою миссию понимает. Но историк следует за ним по пятам и может осмыслить все три этапа.

29 [64]

Венгр и *профессор-гегельянец*.

История как «само себя реализующее понятие, с доказуемой необходимостью и в ходе непрерывного прогрессивного развития. От этого она получает некий “теоретический нимб”, она есть “пребывание Бога на земле, каковой Бог, правда, в свою очередь, сотворен только историей”. Тут я согласился бы с испанцем Хуаном Хуарте, который говорит о немцах, что у них хорошая память и плохой разум; их рассудок как у пьяного, потому что влага, которой насыщен их мозг и организм, не позволяет им проникнуть в природу вещей». Вспоминается также, что он приписывал им большую изобретательность в изготовлении часовых механизмов, устройстве фонтанов и механических игрушек и склонялся к тому, чтобы включить в этот ряд часовой механизм понятия, реализующего само себя.

29 [65]

Грильпарцер ополчается против «утверждаемого в последнее время мнения о полезности истории литера-

туры для дальнейшего практического развития областей литературного творчества и причисляет ее скорее к тем опасным тенденциям, вследствие которых, с одной стороны, возрастает масса поверхностных знаний или дилетантских заметок, с другой — кругозор расширяется до бесконечности, так что в результате все более затрудняется та внутренняя сосредоточенность, без которой невозможны ни деяние, ни творчество. В недостатке такой концентрации и заключается проклятие нашей эпохи».

Мы ощущаем, абстрагируя, говорит Грильпарцер. Мы едва ли знаем больше о том, как выражается ощущение у наших современников; мы позволяем ему делать прыжки, какие сегодня более не делаются. Всех нас, новых, испортил Шекспир. Кто поверит в подлинность ощущения такого поэта, как Гейне! Так же мало верю я и в ощущения такого философа, как Э. фон Гартман. Но они воспроизводят их со склонностью к иронии, в манере великих поэтов и великих философов: причем направление их, в сущности, сатирическое, они высмеивают своих современников, которые охотно позволяют водить себя за нос, в философии, как и в лирике, и с серьезным любопытством смотрят через свои очки, чтобы тотчас же отыскать рубрику в истории, куда можно было бы поместить новых гениев: Гёте и Гейне, Шопенгауэра и Гартмана! Да здравствует утонченное историческое сознание немцев!

29 [66]

Все непрерывно рассуждают о народном духе, о бессознательном, об идеях в истории и т.д., но для современности из этого ничего не следует. Ценится, кажется, только то, что бессознательно выходит из глубокого источника народного духа, а на практике всему только подражают, по возможности сознательно и, к сожалению, по возможности неуклюже: английскому парламентаризму, французской моде и английской морали мелких торгашей, французской, да и международной фразеологии прогрессизма, а еще живописи всех времен и народов, и только чуждое представляется современному немцу восхитительной роскошью. Достаточно подумать о Фрейтаге на триумфальной колонне: что за чувства воспаряют к его изображению!

Обстоит с нами, далее, таким образом, как рассказывает шельма Гартман, что «в последнем столетии мы все больше приближаемся к тому идеальному состоянию, в котором род человеческий сознательно творит свою историю» (с. 291). Мы даже предчувствуем состояние еще более идеальное, когда человечество положит конец своей истории и мировому процессу вообще и вместе со всем миром «отбросит себя назад в Ничто», вероятно, в соответствии с сообщением международного телеграфного агентства о том, что за это проголосовало большинство избирателей (с. 640), и в согласии с полицейским предписанием, из которого следует, что в следующую субботу вечером, ровно в 12 часов мир должен погибнуть, включая и голосовавшее против меньшинство. «С завтрашнего дня времени больше не будет»: в подтверждение чего шельма Гартман процитирует нам «Откровение» Иоанна 10,6 (см. *Философия бессознательного*, с. 637.)

Тот же шельма называет свободную ассоциацию «четвертой и последней» фазой социального развития: рабочий подлежит воспитанию до состояния зрелости, заниматься этим воспитанием (при помощи обществ Шульце—Делича, усовершенствованного школьного образования, ферейнов рабочего образования и т.д.) есть важнейшая социальная задача современности. С. 296: «Конечная цель этого социального развития должна заключаться в том, чтобы каждый человек при продолжительности рабочего времени, которое оставляло бы ему достаточно праздных часов для интеллектуального самосовершенствования, мог бы вести комфортабельную жизнь».

29 [67]

Гартман и Гейне — мастера бессознательной иронии, шельмующие против самих себя: правда, Кант отрицает, что кто-либо способен лгать самому себе.

29 [68]

«Трудно смотреть в будущее, — говорит *Грильпарцер*, — смотреть ясным взглядом в прошлое еще труднее. Я говорю *ясным взглядом*, т.е. не примешивая к образу прошлого ничего из того, что происходило или выяснилось в промежутке».

Грильпарцер: «Главный порок немецкой мысли и воли заключается в *слабости личности*, вследствие какой действительное, существующее производит на немца лишь незначительное впечатление».

29 [69]

Душевность — во внешнем выражении нечестность.
Философия.

29 [70]

Полибий говорит: «подобно тому, как животное, потерявшее зрение, становится абсолютно непригодным к жизни, так и история, лишенная истины, не представляет собою ничего, кроме бесполезной сказки».

«История подготавливает к государственной деятельности и является превосходной наставницей, ибо, напоминая о чужих несчастьях, она учит нас стойко переносить превратности судьбы».

29 [71]

Подобно тому, как шумливые передовицы «Кельнской газеты» времен последней войны относятся к речам Демосфена, относится этот раздутый препарат, этот исторический вибратор к деятелям истории. Редактор газеты с тиртеевой боевой трубой так же комичен, как Демосфен в роли газетчика. Тот, кто хочет совершить нечто подлинное, должен предчувствовать, а не послечувствовать, и ему вообще не дозволено оглядываться назад.

29 [72]

Гегель: «когда дух делает рывок, то и мы, философы, в этом участвуем». В философии приходит к самосознанию дух народа, дух времени. Пожалуй, тогда и у *Гартмана* найдется кое-что от иронического сознания.

Бог должен быть «всеобщим духом человечества, действующим в духовных сущностях всех народов», возвыситься до наслаждения идеей как таковой значит возвыситься до религии. Гегель: «*Всеобщая история*, события которой показывает диалектика духа отдельных *народов*, — которые у него расфасованы по бутылочкам, — показыва-

ет Страшный суд». «То, что история, а именно всемирная история в ее существе имеет конечную цель, которая в ней действительно реализовалась и реализуется — план провидения, — что в истории вообще есть разум, должно быть установлено философией для себя самой, а тем самым в себе и для себя необходимо». «История без такой цели и оценки была бы всего лишь слабоумным актом представления, даже и не детской сказкой, ибо даже дети требуют, чтобы рассказы вызывали интерес, т.е. по меньшей мере содержали намек на цель, к которой были бы устремлены события и действия». Вывод: каждый рассказ должен иметь цель, следовательно, и история народа, мира. Поскольку существует мировая история, должна существовать и цель мирового процесса. Мы требуем, чтобы у рассказа была цель, но мы не требуем рассказов о мировом процессе, ибо мы считаем, что говорить об этом — обман. То, что моя жизнь не имеет цели, явствует уже из случайности ее возникновения; то, что я могу сам поставить себе цель, — другое дело. Но государство цели не имеет: только мы придаем ему ту или иную цель.

29 [73]

К мифологии истории. Гегель: «то, что происходит с народом и происходит в народе, получает свое существенное значение в отношении к государству; простые частности, касающиеся индивидов, более всего удалены от этого предмета, принадлежащего истории». Но государство — это всегда только средство для поддержания множества индивидов: как может оно быть целью! Надежда в том, что при содержании стольких нулей защищены будут и те, в ком человечество достигает кульминации. Иначе вообще не было бы никакого смысла в том, чтобы поддерживать существование стольких жалких людей. История государств есть история эгоизма масс и история слепого желания продолжать жить: только благодаря гениям это стремление до известной степени оправданно, поскольку они могут при этом существовать. Партикулярные и коллективные эгоизмы в борьбе друг с другом — атомный вихрь эгоизмов — кому придет в голову искать в нем цели!

Благодаря гениям атомный вихрь все же что-то дает, и это заставляет нас смягчить мнение об этом бессмысленном движении: словно какой-то слепой охотник сотни раз стреляет мимо цели и наконец, случайно, попадает в птицу. В конце концов что-то да получается, говорит он себе, и продолжает стрелять.

29 [74]

Гегель: «Кажется, что интерес биографии прямо противоположен всеобщей цели, но она и сама имеет в качестве фона мир истории, с которым сплетается индивидуальная жизнь». Отсюда, следовательно, извиняющиеся заглавия, вроде «Демосфен и его время» и т.д. Если дано 10 биографий из одной эпохи, то мы получим 10 раз одно и то же: изготовление книг! О «духе времени Амвросия и даже — как говорит Лихтер — кое-что об индивидуальных особенностях Амвросия, поскольку они переплетаются с фоном этой эпохи».

Впрочем, все было бы прекрасно, если бы не было таким абсурдом вести речь о «мировой истории»: если предположить, что существует цель мирового развития, то узнать ее было бы невозможно, ибо мы земляные блохи, а не цари мира. Любое обожествление отвлеченных общих понятий, таких как государство, народ, человечество, мировой процесс, имеет тот недостаток, что облегчает бремя, лежащее на индивидах, снимая с них ответственность. Если дело в государстве, то роль индивида невелика, как показывает любая война. В моральном плане: кто отнимает у человека веру в то, что он представляет собою фундаментальную ценность, тот делает его хуже. Абстрактные понятия — это его продукты, его средства к существованию — не более, они не его хозяева. Ему как моральному существу должно быть в любой момент позволено погибнуть в борьбе против сделавшихся сверхсильными средств; средств, переосмысленных в качестве целей, т.е. должно быть позволено стать мучеником: чтобы не *propter vitam vitae perdere causas*¹.

¹ Утратить ради жизни смысл жизни (*лат.*).

29 [75]

То, что человек рассматривает как сцепленные между собой *причины и следствия*, он склонен связывать как *средства и намерения*. Шиллер: «одно явление за другим начинает выходить из сферы слепого случая, беззаконной свободы и включаться в качестве подходящего элемента согласованного целого, *которое, правда, существует только в его представлении*». В качестве общего правила я предлагаю объяснять историю народов с применением минимума таких понятий, как дух и цель, т.е. чисто материально, по аналогии со сталкивающимися комплексами атомов. Сила притяжения — глупость. Против мифологии.

29 [76]

Конечно, потребность в общении с великими предшественниками есть признак высших стремлений, но не в меньшей степени прав и Гёте, когда говорит, что негодяй при всех обстоятельствах останется негодяем и что мелкая натура не сделается ни на йоту значительнее даже от ежедневного общения с величием античной мысли. Если же такие мелкие натуры еще и научатся запросто обращаться с мелочностью и пороками прошлого, с пристрастием выискивая в истории следствия всего мелкого, то они будут изо дня в день все более зловредными, как кобольды, все более злорадными, коварными и будут применять свои мерзкие навыки во вред всему праведному и великому.

29 [77]

Насколько убийственным может быть знание истории, выразил однажды Гёте. «Если бы я знал раньше так же ясно, как знаю сегодня, как много прекрасного накопилось в предшествующие века и тысячелетия, то я не написал бы ни строчки, а занялся бы чем-нибудь другим».

29 [78]

Гёте: «Наше время так дурно, что поэт не встречает более в окружающей его человеческой жизни ни одной пригодной натуры. Чтобы поддержать себя, Шиллер обратился к двум великим вещам: к философии и истории».

Гёте: «Собственно, я не стремлюсь к тому, чтобы научиться видеть яснее и отчетливее в темных залах истории — занимал меня, собственно говоря, Нибур, а не римская история. Глубокомыслие и усердие такого человека и есть то, что нас возвышает. Мне нет дела до всевозможных сельскохозяйственных законов, но манера, в которой он их разъясняет, как он помогает мне понять сложные отношения — вот то, что воспитывает, что налагает на меня обязательство с такой же добросовестностью подходить к моим собственным занятиям».

Гёте Лафатеру: «*Результатов и абстракций я не люблю, мне не нужны история и частности*».

29 [79]

Гёте: «Шиллер предстает здесь, как и всегда, во всём блеске своей возвышенной натуры; он так же велик за чайным столом, каким был бы в государственном совете. Ничто его не смущает, ничто не суживает, ничто не сдерживает полет его мыслей; все живущие в нем великие мысли свободно выходят на волю, без оглядки на обстоятельства и без сомнений. Это был праведный человек, и таким надо быть!»

29 [80]

С историческим образованием дело обстоит так же, как с ученостью.

Лихтенберг говорит: «Я думаю, что некоторые из величайших умов, когда-либо живших на свете, не знали очень многого, не читали и половины того, что знают и читали наши посредственные ученые. И иной из наших посредственных ученых мог бы стать более значительным человеком, если бы он читал не так много».

Лихтенберг: «Разве не было бы роду человеческому лучше, если бы мы вообще не имели истории, по крайней мере политической? Человек больше опирался бы на свои, в его собственном распоряжении находящиеся силы; теперь же перед ним образцы, которые делают лучше одного, а хуже — тысячи».

Гёте: «Тому, кто не поставит сегодня на одно искусство или ремесло, придется плохо. При таком быстром дви-

жении в мире знание больше не развивает; прежде чем все заметишь, потеряешь себя самого».

29 [81]

Вследствие исторических штудий в мир вошло противоречие между «образованными» и «необразованными»: как много потерял от этого творческий ум! Не представить себе! Он потерял доверие к своему народу, ибо знает, что его чувства поблекли и исказились. Пусть даже у какой-то малой части чувства стали утонченнее и благороднее, это не вознаграждает его, ибо он становится от этого членом секты и не чувствует более себя нужным своему народу. Он лучше закопает свои сокровища, ибо испытывает отвращение от того, что его высокомерно опекает один класс, в то время как сердце его исполнено сострадания со всеми. С религиями будет покончено, так же как и с искусствами, если гневному Богу не удастся разрушить эту стену.

29 [82]

Количество ежегодно появляющихся исторических сочинений? Прибавим к этому, что сюда относится еще и вся наука о древностях! И сверх того почти во всех науках едва ли не преобладающая масса сочинений — исторические, исключая математику и отдельные отрасли медицины и естествознания.

Я всегда удивляюсь, как это люди не возненавидят самих себя за то, что вечно копаются в прошлом. Но лихорадочная тяга к истории и огромное сиюминутное тщеславие всегда рядом.

29 [83]

Гёте. Природа.

Предположим, это было бы истиной — но тогда недостает иллюзии: в великих делах, которые никогда не удаются при отсутствии известных иллюзий.

29 [84]

«Только благодаря *усиленной практике*, — говорит *Гётте*, — должны науки влиять на внешний мир; ибо все они, по существу, эзотеричны и способны стать экзотерически только благодаря усовершенствованию какой-либо деятельности. Всякое другое участие ни к чему не ведет. Когда к этому призывают и весь остальной мир, заставляя его соучаствовать в делах науки, как это происходит в современном мире, это — злоупотребление и приносит больше вреда, чем пользы.»

Гётте: «Но остается один верный признак, по которому надежнее всего можно отличить истинное от иллюзорного: первое воздействует всегда плодотворно и помогает тому, кто им обладает и его культивирует; второе, напротив, лживое само по себе, мертво и бесплодно, его следует рассматривать как некроз, где отмирающая часть препятствует живой совершить исцеление».

29 [85]

«Молодец, черт меня побери, соседка Шлевейн! Видите, Боженька добрый человек; если вас двое скачут на одной лошади, одному приходится усесться сзади.»

29 [86]

«Спросите себя сами, — говорит *Юм*, — или любого из ваших знакомых, хотели бы они еще раз прожить последние 10 или 20 лет своей жизни. Нет! Следующие 20 лет будут лучше, скажут они —

And from the dregs of live hope to receive,
What the first sprightly running could not give».

Несчастье гонит людей в будущее, несчастье гонит их в прошлое, чтобы путем сравнения продемонстрировать относительное счастье современности или утешить себя тем, что другим повезло когда-то больше. Влечение к счастью — вот что удерживает людей от того, чтобы усвоить науку жизни, отчаяние; поскольку счастья нет теперь,

1 От осадка жизни они надеются получить то, чего не могло дать первое страстное движение (*англ.*).

думают они, оно должно наступить в будущем или быть в прошлом. Или оно уже есть теперь, в сравнении с предшествующими несчастьями и т.д. То, что гонит вперед каждого, гонит и всех: они используют историю для обретения большего счастья в будущем.

Существует два *способа рассматривать прошлое*: для одного достаточно любого периода времени, любого народа, любого дня; другой ненасытен, ибо нигде не находит того ответа, которого ищет: как жить счастливо. В соответствии с первым взглядом живет мудрец, в соответствии со вторым, историческим, — немудрый, деятельный человек. Существует, однако, способ заниматься историей, который мешает людям быть деятельными, не приводя их к резиньяции. Такова наша манера.

Давид Юм: «Этот мир, если подходить к нему с более высокой мерой, очень хрупок и несовершенен. Он был лишь первой попыткой молодого еще божества, которое затем, от стыда за неудачную работу, оставило его в беде: возможно, он есть лишь произведение какого-либо второстепенного, зависимого божества и предмет насмешек со стороны высших существ: возможно, он дитя старости и слабости, божества, согнувшегося под грузом лет, и после того, как божество это скончалось, он, получив первотолчок, продолжает свое движение наугад».

Юм: «Если бы чужеземец попал вдруг к нам на наш Земной шар, то я бы, чтобы дать ему представление о наших страданиях, показал ему больницу, переполненную больными, или тюрьму, переполненную злоумышленниками и должниками, или поле битвы, усеянное мертвыми телами, тонущий флот на море, нацию, гибнущую от тирании, голода и чумы. А куда должен я его отвести, чтобы показать ему радостную сторону жизни и дать представление о наших удовольствиях? На бал, в оперу, ко двору? С полным правом он счел бы, что я хочу открыть ему только еще одну сторону наших невзгод и забот».

29 [87]

Просветить кого-нибудь насчет смысла нашей земной жизни — вот цель; удержать кого-нибудь в земной жизни и вместе с ним многочисленные будущие поколения (для

чего нужно утаить от него первое размышление) — вот другая цель. Первая ищет успокоительного средства для воления, вторая тоже: первая находит его в самом близком и вскоре пресыщается существованием, вторая ненасытна и стремится в любую даль.

При второй цели прошлое должно было бы, собственно, рассматриваться только пессимистически — а именно для того, чтобы находить настоящее относительно сносным. Однако не настолько пессимистически, чтобы поддерживать то первое учение об отсутствии ценности, но так, чтобы прошлое выглядело хотя и хуже настоящего и настоящему не было бы смысла поменяться с ним, но все же заключало бы в себе и *прогресс*, а именно способность развития к настоящему с целью укрепить веру в то, что при дальнейшем поступательном движении будет достигнуто счастье. Итак, чем яснее осознает какое-либо время свои несчастья, тем мрачнее будет оно рисовать себе прошлое, чем меньше, тем светлее. А счастливые, т.е. те, кому уютно, будут все прошедшее видеть в радостном свете, современность же в особенно радостном. И вообще инстинкт оглядываться назад будет тем сильнее, чем больше нужда настоящего. Для радостно-деятельных эпох история нужна меньше, а для благополучных становится даже роскошью.

Нынче у нас исторический инстинкт исключительно силен, сильнее, чем когда-либо прежде: и несмотря на это так же сильно и убеждение в том, что современность счастлива. Противоречие! Здесь отсутствует, как кажется, естественное отношение.

Вспомним о цели Ливия, о Таците, о Макиавелли — бегство от современности и утешение — нередко достаточно уже подумать о том, что когда-то было *по-другому*, нередко о том, что было *так же*, нередко о том, что было *лучше*.

Наше время прицепилось к *объективной* историографии, что значит к истории как к роскоши: и выдает этим величайшее довольство самим собой.

Занятия историей сделались *роскошествующим влечением*: вот почему следует осознать нужды и тем самым восстановить естественное отношение истории и современных потребностей.

Как случилось, что чувство нужды стало таким *слабым*? Потому что *слаба личность*.

Но ищущий роскоши исторический инстинкт делает ее еще *слабее*.

29 [88]

Существует два способа рассматривать прошлое, и, если один я называю историческим, а другой — неисторическим, то я не хочу тем самым первый хвалить, а другой порицать. Не следует только путать второй способ с дурно-историческим, т.е. с вырождением и незрелостью первого. Неисторический способ рассмотрения находит в любое время, в любом переживании, под любым небом и у любого народа смысл человеческой жизни вообще. И как всякий язык выражает одинаковые потребности людей, так и неисторическому исследователю кажется, что он предвидит тот внутренний первичный смысл, который лежит в основе всех больших и маленьких историй. Разнообразные иероглифы его нимало не заботят: нищий и князь, деревня и город, греки и турки — все они говорят о бытии одно и то же. Такой взгляд на вещи у нас редкость. Мы требуем истории, настолько же отдавая предпочтение историческим народам и личностям, насколько мы презираем других. На Ганге живут, по нашему мнению, ослабленные, развращенные жарким климатом и бездеятельностью люди; мы упрекаем их в слабости, неразвитости личного начала и объявляем их неисторический способ мышления признаком стагнации. Но, может быть, и наше требование исторических людей и народов — это только западный пред-рассудок. Известно, по крайней мере, что мудрецы всех времен мыслили так неисторически и что тысячелетия исторических впечатлений ничуть не прибавили нам мудрости. Нижеследующее исследование обращено, однако, к немудрым и деятельным, чтобы задать им вопрос, не является ли именно наша теперешняя манера заниматься историей самым несомненным выражением *ослабленной личности*, тогда как именно такая манера наиболее далека от неисторического рассмотрения и мудрствования.

Предположим, что историческое исследование могло бы достичь истины в отношении чего-то живого, напр.

в отношении христианства. Тогда оно разрушило бы *иллюзию*, которая подобно атмосфере окружает всё живое и деятельное, а именно —

«всё великое

никогда не обходится без известного обмана».

Устранив иллюзию, напр. в том, что касается религий, мы разрушили бы религиозность как таковую, т.е. продуктивное настроение, и оставили бы после себя пустое холодное знание вместе с чувством разочарования.

29 [89]

Тот, кто не считает больше, что каждый воробей, упавший с крыши, свидетельствует о правлении личного Бога, достигает ныне значительной степени разумности, потому что не ставит на его место такие мифологические существа, как идея, логическое, бессознательное и т.п., а предпринимает попытку объяснить существование мира, обращаясь к образу слепой властительницы. Итак, пусть отвернется он от веры в цель природы, а еще решительнее от веры в те цели, достичь которых призван дух народа или даже мировой дух. Пусть отважится он рассматривать человека как случайную неопределенность, беззащитное, подвергнутое всем опасностям ничто. Подобная точка зрения способна сломить человеческую волю с таким же успехом, как и точка зрения божественного руководства. Чувство истории есть лишь замаскированная теология, «нам еще раз предстоит добиться всего!». Человеку видится конечная цель. Христианство, которое проклинает человечество, делая исключение для редких экземпляров, насквозь неисторично потому, что отрицает, будто бы в последующие тысячелетия возникнет нечто, что не предоставлено каждому уже сегодня и не было предоставлено уже 1800 лет назад. Если, тем не менее, современность настроена крайне исторически, то из этого следует, что она не покорна более христианству и снова стала нехристианской, какой была несколько тысячелетий тому назад.

29 [90]

I Историческое — неисторическое.

II Монументальное — антикварное.

- III Воздействие гипертрофии.
- IV Причины ее. Гартман как иллюстрация к заключительной части.
- V Ослабленная личность. *Вот почему этот инстинкт должен быть обуздан, он основывается на слабости.* (Мифология истории.)
 Средства против исторической лихорадки:
 1) никакой истории?
 2) отрицание всех целей: хаотическое движение атомов.
 3) Гёте, естественные науки.
 4) забота о *неисторическом чувстве*: философия — религия — искусство. Провидец: будущее.

29 [91]

Множество слабых еще не образует ничего страшного: зато множество глупых, являющих собой осла *in concreto*¹, — страшное животное. Глупа не эпоха.

Сильный, радуйся своей силе.

29 [92]

Когда такие историки, как Ранке, обращаются к общим вопросам, они ничему не учат. Подобные положения были известны задолго до них: они напоминают о бессмысленном экспериментировании в области естествознания, на которое жалуется Цельнер.

29 [93]

Мирабо: *si j'ai dit la vérité, pourquoi ma véhémence en l'exprimant, diminuerait elle son prix*²?

29 [94]

Путь, на который толкает нас слепота последних поколений, таков, что в конце его, по верному слову господина фон Штейна, «евреи станут господствующим классом, крестьянин — оборванцем, а ремесленник — об-

¹ В действительности (*лат.*).

² Раз я сказал правду, неужели мой порыв в выражении этой правды становится менее ценным? (*фр.*).

маншиком: всё придет в упадок и властвовать будет только меч».

29 [95]

Нибур (fere¹): «По меньшей мере для одного дела история, осмысленная ясно и досконально, пригодна: чтобы знать, насколько, и величайшие, высшие умы человечества не ведают, насколько случайно принял их глаз ту форму, которая определила их видение вещей, — то, которое они навязали всем и каждому, насильно, ибо интенсивность их сознания чрезвычайно велика. Тот, кто этого не знает и не понимает, оказывается поработанным явлением могучего духа, вносящего в predeterminedенную форму высшее напряжение страсти: если читатель не обладает достаточной зрелостью, то непосредственное созерцание ежедневной интеллектуальной жизни *могучего* человека наносит его душе такой же вред, как слабой девушке чтение романов».

29 [96]

«Объективность историка» — бессмыслица. Считается, что это означает, будто бы событие со всеми его мотивами и последствиями рассматривается настолько незаинтересованно, что оно не оказывает более никакого воздействия, оставаясь процессом чисто интеллектуальным: как ландшафт для художника, который его только изображает. «Незаинтересованное созерцание», эстетический феномен, отсутствие всяких движений воли. «Объективным» называют, следовательно, состояние души историка, ее способность к эстетическому созерцанию. Однако ошибочно думать, будто образ, в котором вещи являются человеку, настроенному на такой лад, раскрывает их истинную сущность. Или, может быть, считается, что при таком состоянии вещи как бы сами себя фотографируют, т.е. это чисто *пассивное* состояние? Напротив, это и есть собственно момент порождения произведения искусства, момент создания композиции наивысшего типа: отдельная воля при этом спит. Картина *истинна эстетически*, но, разуме-

1 Приблизительно (лат.).

ется, еще не исторически; то, что здесь присочиняется, это не факты, а их связь и переплетение, которые случайно могут оказаться истиной: но если они лживы, то и в этом случае остаются «объективными».

Мыслить историю объективно — такова тихая работа драматурга: подогнать одно к другому, сплести разрозненное в единое целое с неизменной художественной предпосылкой, что во всем должен чувствоваться план, всеобщая связь; предпосылкой, которая вовсе не является эмпирико-исторической и противоречит всякой «объективности», как она обыкновенно понимается. В том, что человек переосмысляет и укрощает прошлое, сказывается инстинкт художника, а не инстинкт истины. Совершенная форма такой историографии — произведение искусства: и ни грама вульгарной истины.

Позволительно ли, чтобы все рассматривалось *эстетически*? Для прошлого я желал бы прежде всего *моральной* оценки. Следовательно, сомнительное смешение художественного и морального, в результате чего моральное ослабляется.

Однако по большей части требование объективности — только фраза, прикрывающая недостаток *художественного дара*. Место эстетического покоя занимает *актерская аффектация* покоя: недостаток пафоса и нравственной силы притворяется холодной незаинтересованностью, которая должна свидетельствовать о духовном превосходстве. В более вульгарных случаях на место незаинтересованности искусства претендуют банальность и общедоступная мудрость, которая не заключает в себе никакого стимула. Ищется все, что не способно пробудить мысль —

Именно там, где речь идет о высшем и редком, особенно возмутительны пошлые и плоские мотивы, источником которых становится *тщеславие* историка. (*Свифт*: «каждый человек тщеславен ровно настолько, насколько ему недостает ума»).

Должен ли судья быть хладнокровным? Нет, он не должен быть на стороне одной партии, не должен думать о том, что полезно и что вредно для него самого. Прежде всего он должен действительно стоять над партиями. Я не понимаю, на каком основании тот, кто родился позже, уже

поэтому должен быть судьей всех родившихся ранее. Большая часть историков стоит *ниже* своих объектов!

Таким образом, предполагается, что тот, кого какой-то момент прошлого совсем *не касается*, призван его изображать, филологи и греки относятся по большей части друг к другу так: они друг друга не интересуют. Это называется «объективностью». Даже для фотографии требуется, помимо объекта и аппарата, свет, здесь же думают, что достаточно объекта и аппарата. Не хватает солнечных лучей, в лучшем случае признают кабинетную лампу.

Совсем неразумные люди вообще думают, что во всех популярных вопросах правы они и их эпоха, так же, как это думает о себе всякая религия. «Объективностью» они называют соизмерение мнений, которые были в прошлом, с расхожими мнениями современности, видя в последних канон всей истины. Перевод прошлого в тривиальность современности — вот их работа. Они враждебны ко всякой историографии, которая не считает эти популярные мнения каноническими: это считается «субъективностью»!

Только исходя из высших сил современности можете вы толковать прошлое, только высшая степень напряжения позволит вам понять, что из прошлого достойно знания. Подобное подобным! Иначе вам конец, иначе вы стащите прошлое к себе вниз. *Не верьте* вашей историографии, если она не находится в руках *редчайших умов*; вы всегда заметите, какого качества их ум, когда высказывается общая истина. Никто не может быть одновременно великим историком и плоским или дремотным умом. Но не путайте одних работников с другими: les historiens de Ms. Thiers¹, как наивно говорят во Франции. Великий ученый и одновременно плоский ум — это возможно!

Итак: *история нужна деятелю, историю пишет тот, кто имеет опыт!* Кто не пережил чего-то сильнее и возвышеннее, чем все остальные, тот ничего не сможет истолковать из прошлого. Речи прошлого — всегда речи оракульские; только став провидцами будущего и знатоками настоящего, сможете вы толковать прошлое. Влияние Дельф объясняют

1 Истории мсье Тьера (фр.).

теперь особенно тем, что дельфийские жрецы были хорошими знатоками прошлого, ныне же следует знать, что лишь тот, кто строит будущее, имеет право судить о прошлом: историк он только в качестве провидца. Современность плоха и представляет лишь одну линию.

29 [97]

1. Никакого рассмотрения прошлого. Тьер—Леопарди.
2. Монументальное — антикварное.
3. «Объективность».
4. Гипертрофия от слабости.
5. Влияния.
6. Среди них — воспитание.
7. Мифология истории.
8. Причины.
9. Реакция — хаотическое движение атомов.
10. Противоядия.
11. Масштаб будущих историков.

29 [98]

Стадо животных пасется рядом с нами, животное не ведает никакого прошлого, скачет, жует траву, отдыхает, переваривает пищу, снова скачет и так с утра до ночи и изо дня в день, на короткой привязи, которая и в радости, и в страдании удерживает его около столба мгновения. У человека, когда он видит его, вырывается вздох и возникает желание обратиться к нему так, как делает это Джакомо Леопарди в «Ночной песне пастуха в Азии»:

Ах, как же я тебе завидую!

Не потому только, что ты, кажется, свободен

Почти что от всех страданий,

Что ты в мгновение ока забываешь

Боль, и утраты, и страх.

Но больше всего потому,

Что тебя никогда не мучает пресыщение!

О себе же мы вздыхаем потому, что никогда не можем освободиться от прошлого: животные потому и кажутся

нам счастливыми, что они не знают пресыщения, тотчас же все забывают, и каждое пережитое ими мгновение сразу же растворяется в тумане и ночной тьме. Так и животное всецело растворяется в настоящем, без остатка, подобно числу в других числах, и является целиком и полностью тем, что оно есть, в каждый момент его жизни, не зная никакого актерства и намеренного сокрытия своей природы. Мы же, напротив, все страдаем от темных и неустранимых пережитков прошлого, и мы не таковы, какими кажемся. Нас волнует зрелище пасущегося стада или более знакомое зрелище ребенка, который не ведает еще этого страдания и в своей невинной, слишком блаженной слепоте играет, или только кажется, что играет, в промежутке между воротами прошлого и воротами будущего. Мы остерегаемся нарушить эту игру и пробудить его от неведения, ибо мы знаем, что вместе со словом «было» в его жизнь войдут борьба и страдание, начнется жизнь, представляющая собой никогда не завершающийся Imperfectum. Под конец на это знание, что жизнь есть вечный Imperfectum, неизбывное «было», наложит свою печать смерть, которая хотя и принесет с собой возжеленное забвение, но уничтожит при этом и настоящее, и само существование.

Следовательно, мы *принуждены* обращаться к изучению прошлого — такова уж судьба человека. Под этим тяжким ярмом каждому приходится стать сильным, и если какой-то человек станет особенно сильным и твердым, он возвысится, возможно, до того, чтобы восхвалять человеческую судьбу именно за эту неспособность человека к забвению, именно потому, что прошлое не может умереть в нас. С беспокойным упорством призрака оно безостановочно гонит нас все дальше, вверх по бесконечной лестнице к самым вершинам, к тому, что мы называем великим, удивительным, бессмертным, божественным.

29 [99]

То, что обыкновенная историография признается приятным делом, объяснимо, на мой взгляд, той же причиной, по которой приятной считается обыкновенная светская беседа: ее характер складывается из вежливости и лжи.

29 [100]

Наилучшим способом изучения истории является тот, который дает наибольшие результаты, но для жизни. Что пользы строго отбирать причины, выводить из них факты и таким образом их умерщвлять! При другом подходе они могли бы остаться живыми и порождать последующие факты. С того момента как факт оказывается результатом логической операции, он больше не имеет влияния и растрчивает все силы на объяснение самого себя.

29 [101]

Антикварное — монументальное.

Все опасности того и другого соединяются в «объективности».

Какие люди обратились благодаря этому к истории — вследствие этого наступила всеобщая гипертрофия.

Нибур — Гёте не нашли правильного соотношения;

Нибур победил. Возможно, это хорошо для национального сознания, но теперь настало время повернуть назад.

29 [102]

Влияние на жизнь.

Естественные условия монументального и антикварного.

История как роскошь — влияние чисто негативное.

Эти инстинкты несут опасности для истины истории: вот почему их хотели *искоренить*: но теперь история не имеет смысла.

А. *Подражать* — не подражать — результат: *ассимиляция*. Точка зрения монументального.

Чтить, благодарить. Результат: *верность* — мотив антикварного — *пиетет*. «Когда-то было так». «Утешение».

Б. История вне всех субъективных *побудительных мотивов*, вне подражания, пиетета, современной нужды.

Высшая оценка *истинного* как характеристика времени: Кант — *ложь*.

Теперь *чистое понимание*, без отношения к жизни, перенимает вырождение антикварного (мертвое *при отсутствии* почитания) и монументального (живущее при отсутствии подражания).

Изобразить объективность.

В. За счет каких инстинктов существует эта роскошь (ведь естественные отсутствуют).

Мотивы гипертрофии.

Г. Последствия подобной историографии для самой истории. Новая мифология.

Д. Последствия для народа, искусства и т.д., политика, религия.

Е. Последнее последствие для морали — Гартман.

Ж. Лекарство: история не роскошь.

29 [103]

Что означает история для создания культуры?

Она *предупреждает и советует* чего-либо не совершать: ей следует пользоваться как *демоном*, не иначе.

29 [104]

История без подражания (не подчиняющая себя великому), без пиетета (не щадящая атмосферы живого), без нужд современности...

29 [105]

Нибур пишет в 1796 году, что литература Германии, очевидно, клонится к закату, что Шиллер и Гёте более чем мертвы, «неужели устоит один Фосс?» В качестве причины указывается в первую очередь «обыкновенный ход природы, наблюдаемый у всех народов без исключения». «Меня радует, что огорчение по поводу последнего шиллеровского альманаха я разделяю с Баггесеном».

29 [106]

Гельдерлин: «ты заметишь во всем, что человеческие организации, души, которые природа, кажется, с особым старанием создала во имя гуманности, ныне повсюду самые несчастные именно потому, что они встречаются реже, чем это было в другие времена и в других странах. Варвары вок-

руг нас разрушают наши лучшие силы, прежде чем завершается их формирование, и нас может спасти только ясное, глубокое понимание этой судьбы, чтобы мы хотя бы не пережили недостойную гибель. Мы должны отыскать доброе, сплотиться с ним, насколько возможно, укрепиться в сознании его и им исцелиться, и на этом пути обрести силы; распознать грубое, неправое, бесформенное не только в чувстве боли, но и как то, что оно есть, что образует его характер, его порочное свойство».

29 [107]

Гельдерлин: «и я тоже, при всей доброй воле, лишь бреду во всех моих делах и мыслях по следу этого единственного в мире человека (грека) и от этого во всем, что делаю и говорю, оказываюсь только еще более неловким и несуразным, ибо стою наподобие плосконогого гуся в луже современности и беспомощно бью крыльями, мечтаю подняться в греческие небеса».

29 [108]

Была бы величайшая польза, если бы все (по-пифагорейски) повторялось: тогда надо было бы знать прошлое и констеляцию, чтобы точно распознать повторение. Но ничего не повторяется.

29 [109]

Многие жалуются, что прошли времена космополитизма: в истории он сохраняется как пережиток, но предпосылка, универсальный пиетет потеряны, желание всюду оказать помощь.

29 [110]

Гёте Шиллеру: «Вы совершенно правы, что в образах древней поэзии, как и в скульптуре, нам является абстракция, достигшая высоты лишь благодаря тому, что называется стилем. Есть и абстракции, порожденные манерой, как у французов».

29 [111]

Эпический и драматический подход к прошлому. Шиллер: «эпический поэт показывает нам просто спокой-

ное существование и жизнь вещей, отвечающую их природе; его цель заключена уже в каждой точке движения; вот почему мы вместо того, чтобы нетерпеливо стремиться к цели, с любовью останавливаемся при каждом шаге».

29 [112]

Гёте: «только симпатии дано увидеть все, что содержится в художественном произведении, и наиболее чиста та симпатия, которая видит еще и то, чего ему недостает».

Гёте. «забавно смотреть, чем люди этого рода бывают разгневаны, что, по их мнению, должно приводить в гнев, с каким бессмысленным и пошлым любопытством разглядывают они чужую жизнь, как направляют они свои стрелы на внешнюю сторону явления, как мало они чувствуют, в какой неприступной крепости живет человек, которому присуще серьезное отношение к себе и к вещам».

29 [113]

Почтительность по отношению к прошлому заходит так далеко, что утверждается, будто греки терпели иератический стиль наряду со свободным и великим, с острыми носами и ухмылками; позднее из него развилось гурманство. Такова антикварная манера в сравнении с монументальной.

29 [114]

Антикварное. Почтительность по отношению к тому, из чего мы вышли, или где мы есть. Священная власть личности. Прадедовская утварь и общинные учреждения наделяются достоинством и побуждают к усердным изысканиям. Маленькое, ограниченное облагораживается — женственно — открытие идиллического. Всюду — свидетельства добронравного, верного, трудолюбивого умонстроения.

Вред: всему прошлому придается одинаковая важность, отсутствует *творческое* отношение к жизни, отношение *охранительное*, живое ценится меньше, чем чтимое (иератическое). Недостаток оценки, все прошлое распростерто, как пестрая добыча охотника. Препятствует решительному поступку, парализует действующего, который всегда проявляет непочтительность. Досточтимое «древнее»; de

mortuis nil nisi bene¹. Древнейшие нравы, религии и т.д. оправдывают себя своей древностью и вносят путаницу во все представления о ценности потому, что суммируют большую симпатию, которую питали к ним греки. То, что вызывало наибольшую симпатию, предстает как наиболее чтимое: чтят массу, любовь. Забывают спрашивать о мотивах этой симпатии: лень, эгоизм, косность мысли и т.д.

Почему от этого страдает прошлое? Отсутствуют пропорции, определяющие отношение вещей, один считает важным одно, другой другое. Прошлое распадается: одна частица кому-то симпатична, другая оставляет его холодным и равнодушным. К тому же продлевается жизнь незначительного.

Постепенно возникает привычка к учености, почтительность отмирает, приходит страсть к коллекционированию, полнейшее искажение человеческой задачи. Значительные натуры растрачивают себя, занимаясь вопросами библиографии и т.д. In summa руины живых, которых постоянно мучает почтенный запах смерти.

29 [115]

Человек желает творить	монументальное
навсегда остаться	
в сфере привычного	антикварное
избавить себя от нужды	критическое.

29 [116]

Против контраста сентиментального и наивного можно было бы возразить, что именно в нашем настоящем царит морозно-ясная атмосфера, в которой миф не расцветает, — воздух историзма. В то время как греки жили в сумеречной атмосфере мифического, но зато в своей поэзии умели по контрасту добиваться ясности и твердости линий, мы же ищем сумеречного в искусстве, потому что наша жизнь освещена слишком ясным светом. С этим согласуется то, что Гёте воспринимал положение человека в природе и саму окружающую природу как более таинственную, загадочную, демоническую, чем это казалось

¹ О мертвых ничего, кроме хорошего (лат.).

его современникам, но тем настоятельнее искал покоя в ясности и отчетливости произведений искусства.

29 [117]

Шиллер пользовался историей в монументальном смысле, но не как человек действия, а как к действию побуждающий, как драматург, требующий темпа. Может быть, сегодня мы должны поднять все на следующую ступень: чему раньше служила история, тому теперь драма. *Предчувствие Шиллера* было верным: словесная драма должна укротить историю, чтобы вызвать воздействие, которое изначально оказывала история (изображенная монументально). Но историческая драма ни в коем случае не должна быть антикварной. Шекспир прав, изображая римлян англичанами. В драме вперед выходит могущественный человек: история не сводится здесь к статистическим законам, в этом заключено превосходство над современным воздействием истории. Не следует только предъявлять высшие художественные требования, драму надо представлять себе как *риторическое* произведение искусства, чем она и является в действительности у Шиллера. Не следует преуменьшать силу красноречия, и пусть хотя бы наши актеры, которым грозит, что они никогда больше не будут декламировать ничего поэтического, научатся хорошо произносить речи. Благодаря тому что все лучшие эффекты трагедии мы приписываем музыкальной драме, мы приобретаем более свободное отношение к драме словесной: она может быть риторической, диалектической или натуралистической, она должна влиять на нравственность, она должна быть шиллеровской. «Принц Гюмбургский» — образцовая драма. В высоком искусстве снова возникает необходимость говорить «естественно». Но, поскольку естественность речи отсутствует сегодня и в жизни, то пусть актеры освоят риторическую условность и не презирают французов. Путь к стилю надобно пройти, а не перепрыгнуть через него: иератического стиля, т.е. условного, избежать невозможно. Гёте как руководитель театра.

29 [118]

С тех пор как мы покинули школу французов, мы стали беспомощны. Мы хотели стать естественнее и стали, дав себе как можно больше воли и научившись подражать небрежно и как придется тому, чему раньше подражали подробно. Думать можно обо всем, но, по существу, дозволено только общее мнение. Мы только кажемся свободными, на деле мы разорвали оковы условности, чтобы влезть в петлю филистерства.

«Простота и естественность» — высшая и последняя цель культуры. Но прежде нам следует научиться связывать себя законом и формой, чтобы, может быть, в итоге снова вернуться к простому и прекрасному. В нашей оценке греков и собственной способности усвоить стиль их искусства и жизни царит резкое противоречие. Стало почти невозможным удержаться на одной из нижних и низших ступеней стиля (что было бы так необходимо!), поскольку знание о наивысшем и наилучшем так властно, что у нас не достает больше мужества добиться мастерства хотя бы в малом. Это величайшая опасность истории.

29 [119]

Моя исходная точка — прусский солдат: тут мы видим действительное постоянство. Здесь принуждение, серьезность и дисциплина касаются также и формы. Она порождена потребностью, но, правда, очень далека от «простоты и естественности»! Ее отношение к истории эмпирично и потому надежно и живо, идет не от учености. Для некоторых людей она почти мифична. Она исходит из дисциплины тела и неукоснительного требования верности долгу.

Затем, образец Гёте: натурализм без правил, который постепенно становится подчеркнутым достоинством. Как человек стиля он достиг больших высот, чем какой-либо другой немец. Сегодня находятся настолько ограниченные люди, что они упрекают его в этом, обвиняют его в том, что он состарился. Читайте Эккермана и спросите себя, достиг ли хотя бы один человек в Германии такого благородства формы. Верно, что отсюда до простоты и величия еще большой шаг, но нельзя перепрыгнуть через Гёте, а нужно постараться, как он, начинать всегда снова.

29 [120]

Влияние музыкальной драмы на *развитие группы, долгой сцены*.

29 [121]

В Германии страх перед *традицией* принимает масштабы эпидемии. Но прежде чем мы придем к национальному стилю, необходима условность. К тому же мы ведь живем в рамках расхлябанно-некорректной условности, как свидетельствует о том вся наша общественная жизнь. Кажется, мы хотим традиции, которая будет стоять нам наименьшего самопреодоления и при которой каждый сможет вести себя как ему вздумается. История действительно очень опасна тем, что она выстраивает все традиции *рядом друг с другом для сравнения* и требует оценки там, где все решает *δύναμις*¹.

Пройдите по немецкому городу — в сравнении с другими нациями всё условное проявляется в *негативном*, всё бесцветно, расхлябанно, отжило свой век, каждый ведет себя как хочет, но не как хочет сила и ум, а как диктует стремление к удобству, на чью неограниченную власть указывает уже наша одежда. К тому же никто не хочет терять время, ибо все спешат. Осталась только та условность, которая отвечает потребностям *суетно-ленивых*.

Это так же, как с христианством; протестантизм похваляется тем, что все стало внутренним: при этом затерялась суть дела. Так и у немца все стало внутренним, так, что ничего больше не видно.

29 [122]

Противоположность *традиции* и *моды*. Последняя оплодотворяется историческим сознанием, произрастает из потребности к роскоши, ищет новизны ради нее самой, ищет прежде всего броского, является «модой» до тех пор, пока «нова». Немцы почти согласны сделать своей традицией французскую исключительно из соображений удобства и тяги к привычному.

1 Сила (*греч.*).

29 [123]

Правда ли, что к немецкой сущности относится такая черта, как *отсутствие стиля*? Или это признак его незрелости? Это, конечно, так: то, что является *немецким*, еще не выявилось вполне ясно. Оглядываясь назад, этому не научишься: надобно доверять собственным силам.

Немецкой сущности еще нет, она только должна появиться на свет; она должна когда-нибудь родиться, чтобы стать видимой и честно предстать перед самой собой. Но всякое рождение болезненно и связано с насилием.

29 [124]

Лекарство: *шиллеровское* использование истории. его опасности (прямолинейность и т.д.) значение истории как *предостережения*, как демона — она предостерегает и от самой себя.

29 [125]

Гёте. мадам де Сталь «представляется со всей жеманностью, и все же в достаточной степени грубо, путешественницей в страну гиперборейцев, чья столица — старые дубы да сосны, чьи янтарь и железо еще вполне сгодятся на дело; этим она вынуждает выгаскивать на свет старые ковры в качестве подарка и заржавевшее оружие в качестве защиты».

Гёте. «впрочем, мне ненавистно всё, что меня поучает, не увеличивая мою деятельность или не наполняя ее непосредственно жизнью».

29 [126]

Шиллер: «я не могу не верить, что наивный дух, который обнаруживают все произведения искусства известного периода древности, не есть результат воздействия, а, следовательно, и доказательство действенности традиции, влияющий через учение и образцы. Здесь возникает вопрос о том, что в такое время, как наше, может дать искусству *школа*. Старинные школы были *образовательными учреждениями для воспитанников*, новейшие же принуждены были стать *исправительными домами для заключенных*,

при этом, вследствие недостатка в творческом гении, насаждать культуру более критическую, чем творческую».

29 [127]

Гёте. «старый придворный садовник обычно говорил: природа охотно позволяет себя форсировать, но не принуждать».

Гёте. «каким образом возможно, что нелепое, даже абсурдное, так счастливо сочетается с высшим эстетическим великолепием музыки? Это происходит исключительно благодаря юмору; ибо он, даже не будучи поэтическим, представляет собою род поэзии и возвышает нас в силу своей природы над предметом. Немец чувствует это так редко, потому что присущее ему филистерство заставляет его принять любую нелепость, если она прикрыта видимостью сентиментального чувства и человеческого рассудка».

29 [128]

Шиллер к Гёте. «Вы действительно пока работаете, остаетесь во тьме, а свет только внутри Вас; и когда Вы начинаете размышлять, этот внутренний свет из Вас выходит и освещает предметы для Вас и для других».

29 [129]

Шиллер. «Немцы имеют понятие только об общем, рассудочном и моральном» (ничего не выдает «понимания поэтической экономии целого»). *Гёте.* «в Германе и Доротея, в том, что касается материала, пошел навстречу немцам, и теперь они в высшей степени довольны».

29 [130]

Гёте. «Никто не презирал значимости костюма больше, чем он; он весьма хорошо знает внутренние костюмы людей, а в этом все похожи друг на друга. Говорят, он превосходно изображал римлян; я этого не нахожу; они все коренные англичане, но, правда, они люди, люди по существу, а таковым в пору приходится, конечно, и римская тога». «Поэт живет в достойные, даже значительные времена, и показывает их культуру, даже ее пороки, с большой непринужденностью».

Но я спрашиваю себя, можно ли представить римлян в образах современных немцев, в костюме и с манерами литераторов, чиновников или лейтенантов. Это была бы карикатура, из чего следует, что они не люди.

Это имеет отношение к *теме истории*. Мы привыкли драпироваться в костюмы чужих времен и нравов: как только мы пытаемся драпировать чужие времена и людей в наши костюмы, мы делаем из них неуклюжие карикатуры.

29 [131]

Гётте. «но, если быть точным, то нет ничего театрального, что не было бы для глаза одновременно и символическим: значительное действие, которое отсылает к еще более значительному».

29 [132]

Полагают, что «немец живет изолированно и видит свое достоинство в том, чтобы формировать свою индивидуальность». Я не могу больше с этим согласиться: да, известная свобода помыслов позволена, но поступки униформированы и жестко императивны. Всюду свобода остается внутри, не получая выхода вовне, подобно тому, как протестантизм думает, что очистил христианство, тогда как он, уйдя в себя, сделал его эфемерным и практически устранил. На место нравов, т.е. естественному, сшито по мерке природы наряду, пришла мода, наряд произвольный, подчеркивающий, но почти сразу же унифицирующий индивидуальность. Теперь *разрешена мода*, но *не* разрешены более отклоняющиеся от нормы образ мысли и действий. Напротив, античный человек высмеивал моду, но одобрял индивидуальную манеру жить, вплоть до одежды. Индивиды были сильнее, свободнее и независимее во всем, что можно видеть в поступках и в жизни. Наши индивиды слабы и робки; непокорный дух индивидуальности отступил во внутренний мир, то и дело напоминает о себе капризами и брюзжанием; он самоутверждается досадливо и тайком. Свобода печати предоставила этим брюзжащим индивидам возможность высказаться; теперь они без опаски могут даже в письменном виде выражать свое жалкое личное мнение, для жизни ничего не изменилось. Возрожде-

ние свидетельствует, однако, об иной тенденции, назад, к язычески сильной личности. Но и средневековое было свободнее и сильнее. «Новое время» действует через однородную *массу*: состоит ли она из оформившихся личностей, безразлично.

29 [133]

Слово «добродетель» в Германии устарело, покрылось ржавчиной и стало немного смешным, в практической жизни не осталось ничего больше от строгой самодисциплины, категорического императива и сознательной нравственности. Сколь многие учителя почувствовали бы, что они смешны, если бы им пришлось об этом говорить! Принято успокаивать себя тем, что сохранился сам *предмет*: мне это кажется сомнительным.

29 [134]

Зрелую мудрость Гёте невозможно понять наскоком; в юности. Тогда это всего лишь «*надутое высокомерие*».

29 [135]

Уважение к немецкому солдату можно выразить, признав, что «он сам не знал, что поет, он вообще этого не слышал»; песни последней немецкой войны, марши из времен предшествующей прусской — это неуклюжая, порой даже отвратительно слащавая пошлость, подонки той «образованности», которую так нынче прославляют. Правда, только подонки! Но были и другие подонки! Ни грана истинной народности, на самом деле оскорбление слов «народная песня, народный тон»! Отношение приблизительно такое же, как между автором кельнских передовиц и Тиртеем. Тыфу на тебя, девица Образованность, сказал бы Лютер.

29 [136]

Историческое чувство немцев сложилось, очевидно, в бурных чувствованиях, которые Гёте испытывал по отношению к Эрвину фон Штейнбаху: в «Фаусте», в вагнеровском «Кольце нибелунга», у Лютера, у немецких солдат, у Гримма. Прочувствованность и предчувствия, чутье

к изгладившимся следам, вычитывание из палимпсестов, даже мириопсестов — многочисленные возможности блуждать и заблуждаться!

29 [137]

Программа. 6 ноября 1873 г.

1. Свобода городов — *conditio*¹.
2. Школа и нравы в городском управлении.
3. Уничтожение абсолютного учителя («казак образования»).
4. Историческое сознание как пиетет, не как принятие в расчет.
5. Солдат должен использоваться для *подготовки* более глубокой культуры.
6. Следствия централизации и унификации мнений довести до крайнего выражения, чтобы выявить их формулу в чистом виде и использовать для предостережения.
7. Социальный кризис разрешим только на городском уровне, а не на государственном.
8. Устранение прессы благодаря городскому красноречию.
9. Ликвидация больших унифицированных политических партий.
10. Локализация религиозной проблемы. Создание народной общины и сопровождающих учреждений (армия, дипломаты).

Так называемая объективная историография — ложная мысль: объективные историки — погибшие или высокомерные личности.

29 [138]

Во времена Лихтенберга еще не знали, что немцы чересчур много занимаются историей. Правда, он признает их талант к истории более высокого типа. В последнее время вся культура фундирована исторически: виновата ли история, что немецкая культура в целом так мало стоит?

¹ Условие (*лат.*).

История как чисто познавательная проблема, на нижней ступени только как фактическое знание, не направленное на понимание, не имеющее обратного влияния на жизнь.

Колоссальная затрата средств, без крепкой практики.

29 [139]

Статистика рассматривает не великих людей, действующих на сцене истории, а только статистов, народ и т.д.

29 [140]

С какой легкостью *объективная* историография переходит в тенденциозную! В этом, в сущности, и состоит фокус, быть второй из них, а казаться первой.

29 [141]

Платоническое воспитание вне истории, Гартман.

Прогрессивная торопливость: куда они рвутся?

Основание современных институтов.

Мир утилизирует себя все больше.

Всё становится абстрактнее, всё то, что раньше связывало людей.

Проводится эксперимент, добр человек по натуре или зол.

Учреждения базируются на страхе и нужде.

Космополитизм должен по сути своей расширять свое влияние.

Произвольные ограничения, такие как государство, нация, теряют свое значение вне мистерии и кажутся намного более жестокими и дурными. Противоречия обостряются, становясь непримиримыми. Гибель от жара.

29 [142]

Показать покой неисторического мира.

Стремление спастись в тени художественного произведения: под его тенью мы хотя бы на время живем не исторически.

«К ораторскому искусству относится искусство молчания». Жан-Поль.

«Требуется много времени, чтобы настала гибель мира, — но больше ничего», — говорит Гиббон.

29 [143]

Если бы целью развития было счастье, то животные стояли бы на высшей ступени. Их цинизм заключается в забвении: это кратчайший путь к счастью, пусть к такому, которое стоит немного.

29 [144]

Шопенгауэр полагает, что гениальность состоит, быть может, в способности точно помнить свой жизненный путь. Если бы целью было чистое познание — было бы тогда наше время самым гениальным? Является ли наилучшее знание людей и вещей признаком величия? Состоит ли задача каждого поколения в том, чтобы становиться судьей? Я думаю, задача скорее в том, чтобы совершить нечто такое, о чем пусть судят потомки.

29 [145]

Всё историческое с чем-то *соизмеряется*. Что может противопоставить наша эпоха?

29 [146]

1. Во внутреннем мире.
2. Справедливо и объективно.
3. Разрушенная иллюзия.
4. Возраст человечества.
5. Мифология.
6. Гартман.
7. Неисторическое.
8. Наивнейшие ступени истории.
9. Ограничение горизонта.

29 [147]

План.

1. Неисторическое — историческое.
2. Польза и вред истории. В общем.
3. Переход к описанию эпохи.
4. Душевность.

5. Справедливо, объективно.
6. Развенчание иллюзии.
7. Возраст человечества. Гартман. Мифология.
8. Неисторично ли? Платон.
9. Мера исторического. Ограничение. Овладение.
10. Немецкая культура, значение для нее истории.
Стиль. Национальная модификация.

29 [148]

Он говорит о своих делах несколько яснее, чем думает о них.

29 [149]

Продолжение зоологии.

Что человек — животное стадное, доказывает статистика.

29 [150]

Состязание в Вартбурге: фон дер Хагенау, миннезингер, II 2 и далее, года 1300.

Ludus Paschalis de adventu et interitu Antichristi. Pezii thesaurus Anecdotorum Novissimus 2.¹

29 [151]

Животное, человек — историчен, неисторичен.

Пластическая сила.

Неисторический фундамент.

Государство как пример. (Забвение прошлого и иллюзии в отношении прошлого.)

История служит жизни, она состоит на службе у неисторического.

29 [152]

Что означает неисторическое?

Страсть действует неисторически.

Также и великие цели, человека ли, народа ли.

Чрезмерно высокая оценка — Нибур. Леопарди.

¹ Пасхальные игры по случаю прихода и гибели Антихриста. Новый словарь анекдотов Пеция (*лат.*).

29 [153]

1. Тема и тезисы
 - 2.
 3. История к жизни
 - 4.
 5. Переход
к критике современности.
 - 6.
 7. История
 8. враждебна
 9. жизни
 - 10.
 11. Переход к *remedia*¹:
Платон. Отсутствие
истории.
 12. { *Remedia*.
 13. {
- { Монументальное.
 { Антикварное.
 { Критическое.
 { внутреннее пространство души.
 { кажущаяся справедливость,
 { объективность.
 { более не обладающий зрелостью.
 { Поздние поколения.
 { Мировой процесс.

29 [154]

Мифическое как поэтический вымысел.
 Любовь и самозабвение.
 Жизнь как проблема.
 Достичь подлинной зрелости.
 Честность и дерзость слова.
 Жар чувства справедливости.

29 [155]

- Доказать чрезмерность 1) тем, что все остается во
внутреннем мире.
- 2) что ничто более не дости-
 гает *зрелости*.
 - 3) чувство, что мы *позднее по-*
коление.
 - 4) стадия *самовысмеивания*.
 - 5) *сама история в параличе*.
 мнимая объективность.

Переход: тогда чувствуешь искушение искать спасе-
 ния в мысли: вовсе никакой истории. Руссо.

1 Лекарство (*лат.*).

29 [156]

Историческое образование как образование вообще.
 Историческая объективность как справедливость.
 Незрелость.
 Ирония — старость человечества.
 Мировой процесс.
 Умный эгоизм.

Предисловие.

Введение.

История и жизнь.

История вредит жизни.

29 [157]

1. Историческое, неисторическое и надысторическое.
2. История на службе у жизни.
3. История вредит жизни.
4. Неисторическое и надысторическое как целебные средства для поврежденной историей жизни.

29 [158]

История враждебна жизни.

1. Создает опасный контраст между внутренним и внешним.
2. Вызывает видимость справедливости.
3. Препятствует достижению зрелости и завершенности.
4. Пробуждает веру в возраст человечества и является *advokatus diaboli*¹.
5. Пригодна для служения умному эгоизму.

29 [159]

Знает ли мой читатель настроение, которое владеет пишущим? Способен ли он забыть о себе, забыть об авторе и впустить в душу свою вещи, которые мы рассматриваем сообща? Готов ли он от спокойствия перенестись в волнующееся море, не теряя при этом из виду настро-

¹ Адвокатом дьявола (*лат.*).

ение автора? Любит ли он свист бури и выносит ли взрывы гнева и презрения? И снова: способен ли он при всем том не думать ни о себе, ни об авторе? — Ну, в путь, я уверяю себя, что услышал от него «да», и более не удерживаюсь от того, чтобы заговорить с ним так.

29 [160]

О пользе и вреде истории для жизни.

Предисловие.

I. Историческое, неисторическое, надысторическое.

II. История на службе у жизни.

а) монументальная история

б) антикварная

в) критическая

III. История враждебна жизни.

а) она создает опасный контраст внутреннего и внешнего.

б) порождает видимость справедливости.

в) она разрушает инстинкты и препятствует достижению зрелости.

г) она насаждает веру в возрасты человечества.

д) она используется разумным эгоизмом.

IV. Неисторическое и надысторическое как целительные средства для жизни, понесшей вред от истории.

29 [161]

Глава о жизни и истории: что говорит об этом наука: *laissez faire*¹. Отсутствует относящаяся сюда практика, искусство врачевания.

29 [162]

К заключению.

От иронии к цинизму.

Средство Платона спасти молодежь для государства.

Шиллер — исправительные заведения.

Необходимость вспомогательных наук — прикладная история, учение о здоровье.

¹ Принцип невмешательства (*ffr.*).

Целебное средство — неисторическое, надысторическое. Похвала искусству и его способности создавать атмосферу.

29 [163]

План несвоевременных размышлений.

- 1873 Давид Штраус.
Польза и вред истории.
- 1874 Многочтение и многописание.
Ученый.
- 1875 Гимназии и университеты.
Солдатская культура.
- 1876 Абсолютный учитель.
Социальный кризис.
- 1877 О религии.
Классическая филология.
- 1878 Город.
Сущность культуры (оригинальное —).
- 1879 Народ и естественные науки.

29 [164]

- 1. Пролог.
- 2. — — —
- 3. Трудности философии.
- 4. Ученый.
- 5. Искусство.
- 6. Высшая школа.
- 7. Государство. Война. Нация.
- 8. Социальное.
- 9. Классическая филология.
- 10. Религия.
- 11. Естествознание.
- 12. Чтение. Письмо. Пресса.
- 13. Путь к свободе (как эпилог).

29 [165]

Платон и его предшественники.
Гомер.

Скептические мысли.

29 [166]

Превосходное изображение немцев и французов:
Гёррес, Европа и революция, с. 206.

Как изменчивы и расплывчаты пограничные линии
на любом сделанном рисунке. Лихтенберг I 206.

29 [167]

Цикл лекций.

Риторика.

Ритмика.

История поэзии.

Проза.

Древние философы: 1) доплатоники и Платон.
2) Аристотель и сократики.

Хозёфоры.

Труды Гесиода.

Фукидид, В. I.

Лирики.

Поэтика Аристотеля.

29 [168]

Римляне и греки: отношение римлян к греческой
культуре. Их суждения о ней. От них происходит *декора-*
тивная манера в культуре.

29 [169]

Три сочинения Фридриха Ницше.

Гомер и классическая филология.

Об истине и лжи.

Основы государства. (Состязание, война.)

29 [170]

3.

Описание хаотической неразберихи в мифическую
эпоху. Ориентальное. Истоки философии как упорядоче-
ния культа, мифов, она организует единство религии.

4.

Начало иронического отношения к религии. Новое
возникновение философии.

5. и т.д. Рассказ.

Заключение: «Государство» Платона как *сверхэллинское*, как невозможное. Философия достигает своей вершины как основательница метафизически устроенного государства.

29 [171]

Греки и варвары.

Первая часть: Рождение трагедии.

Вторая часть: Философия трагического века.

Третья часть: О декоративной культуре.

29 [172]

То, что наша память о прошлом стала короче и что историческое сознание спит, как спало оно в эпоху наивысшего расцвета греков, вовсе не бессмыслица. За границей настоящего сразу же начинается тьма: там бродят неясные тени, громадные фигуры, вырастающие до колоссальных размеров, воздействующие на нас почти как герои, совсем не так, как обычная ясная дневная действительность. Любая традиция есть, вероятно, почти бессознательная традиция унаследованных характеров: живущие люди в своих действиях, доказательствах есть то, что они усвоили из прошлого; история ходит среди нас как живая, это наша плоть и кровь, а не пожелтевший документ и не бумажная память. Нравы родителей и прародителей считаются у детей прошлым: то, что находится еще дальше, влияет на современных людей не больше, чем руины древних архитектурных сооружений, храмы или предрассудки. Подобным образом и сегодня живет крестьянин, подобным образом жил почти всякий великий народ прошлого. Главный выигрыш для обеих сторон был и остается в том, что нынешнее поколение больше верит в свои силы, ибо его силы рождаются из реальных, а не из воображаемых и вычитанных потребностей, а сила и потребность у него, как правило, соответствуют друг другу, оно лучше защищено от пресыщения, чем народ, который образованнее и историчнее. Человек, не склонный блуждать в поисках недостижимой цели, не испытывающий отвращения к до-

стигнутому, обретает покой, являющий собой противоположность современному, сплошь исторически мыслящему миру и его лихорадочной торопливости. Разве не достойно раскаяния жить в галереях, увешанных драгоценнейшими картинами всех времен, когда твой сравнивающий взгляд постоянно возвращается к тому, кто их рассматривает, с вопросом, чего он, собственно, ищет в этих залах? И тогда у самого дерзкого вырывается проклятие: «Долой всё прошлое, в огонь все архивы, библиотеки, сокровищницы искусства! Дайте современности творить самой, создавать то, в чем она нуждается, ибо она достойна лишь того, что может сама. Не мучайте ее мумиями прошлого, того, что было важно и необходимо в далекие времена, выбросьте эти скелеты мертвецов, чтобы живые могли радоваться сегодняшнему дню и сегодняшнему делу!» Да, если нашим лозунгом должно быть счастье, свобода от пресыщенности, удовольствие, тогда позволительно прославлять животное, которое всегда живет на узкой полоске настоящего и, не ведая печали и пресыщения, жует траву, переваривает пищу, снова жует, отдыхает и скачет. «Чувствовать исторически» — это значит знать, что мы рождены для страданий и все наши труды в лучшем случае могут дать нам забвение страданий. Полубоги всегда жили в прошлом, а современный род человеческий всегда вырождается. В чем состоит его отличие, известно ему редко, ибо прошлое окружает нас как черная стена, от которой темно. Только потомок сумеет оценить, в чем и мы были полубогами. Дело не в том, что мир опускается все ниже и великое повторяется все реже, просто всякое время отмирает и вздыхает, глядя как падают осенние листья. Посмотрите на жизнь отдельного человека: казалось бы, то, что теряет юноша, покидая мир детства, столь бесценно, что перед лицом этой утраты он должен был бы стать совершенно равнодушным к жизни. Но он продолжает жить и уже мужчиной еще раз теряет бесценное, а потом стариком теряет и последнее свое добро. Лишь теперь он знает жизнь и готов ее потерять. Сколь пустыми были бы усилия, если бы юношами мы пытались бороться за то, что составляло счастье и силу нашего детства. Утрату надобно перенести, воспоминание нагромождает все

больше утрат, и в конце, когда мы знаем, что потеряли все, смерть-утешительница отбирает у нас и это знание, наше последнее наследство.

29 [173]

Гомер и классическая филология. 24.

Состязание у греков. 15.

Об истине и лжи. 20.

Греческое государство. 15.

Четыре книги.

29 [174]

Платон.

Юность.

Чума.

Критий.

Художественный дар.

Последователь Гераклита.

Сократ. Платоновский Сократ.

Путешествия.

Цели — практический идеал.

Пифагорейцы — идеи (малая концепция).

Дион.

Академия.

Философ в государстве. Софист. Ритор.

Искусство.

Писательство — Эрос. Диалектика.

Второе путешествие.

Третье путешествие — идеал государства.

Кончина Диона. Другие политические влияния.

Парменид. Скептическая прелюдия к теории. Платон по преимуществу законодатель и реформатор, но никогда не скептик.

29 [175]

Эмпедокл.

Демокрит.

Пифагорейцы: борьба против элеатов, больше для того, чтобы защитить себя. Описание их союза.

Сократ. Моральное — диалектическое — плебейское.

29 [176]

«Склонность людей придавать важность маленьким вещам породила много великого», — говорит Лихтенберг.

29 [177]

История, которая не приводит, ни непосредственно, ни опосредованно к усовершенствованию человека и гражданина, является лишь, по выражению Болингброка, употребляемому им в своих знаменитых письмах, *on the study and use of history* «a specious and ingenious sort of idleness»¹.

29 [178]

Аристотель: «две вещи толкают, обыкновенно, человека к заботливости и привязанности: единоличное обладание и редкость находящегося во владении предмета, который делает его таким дорогим для его владельца». Так и антикварный человек культивирует прошлое, потому что оно — совершенно независимо от его ценности и значения — индивидуально и неповторимо. Он чувствует себя обладателем этого маленького наследия, что выделяет его из массы других людей. Мельчайшее открытие, как только оно становится собственностью, делает его автора счастливым, напр. исправление, внесенное в напечатанную книгу или в рукопись.

29 [179]

К критической истории применимо то, что говорит Бенжамен Констан: «Если следовать нравственному принципу, гласящему, что говорить правду — наш долг, безусловно и в каждом частном случае, то это сделало бы невозможным любое общество». Подумаем хотя бы о своей собственной жизни: кто бы выдержал, если бы перед нами стояла задача громко говорить о своем прошлом? Забывать, чтобы можно было жить, — для этого нужно очень много сил.

1 Об изучении и использовании истории «благовидной и искусной разновидностью праздности» (англ.).

29 [180]

Лютер: «Если бы Господь Бог подумал о дальнобойном орудии, он не сотворил бы мир». Забвение и в самом деле необходимо для любого творчества.

29 [181]

Представим себе последнего человека, сидящего посреди высохшей пустыни, в которую превратился погибающий Земной шар — — —

29 [182]

Чего только не таит в себе человек такого, что никогда не сможет узнать: отчего старый испанец сказал: «Defienda me Dios de tu» — «Спаси меня, Господи, от меня самого».

29 [183]

Антиквары говорят: «Великое — это, в сущности, обыкновенное и всеобщее», и они также борются со становлением великого (путем уменьшения, подглядывания, мелочности).

29 [184]

Лютер: «Цицерон, мудрый и трудолюбивый человек, много страдал и многое совершил».

Историк поднимает или опускает историю до своего уровня: так Момзен низводит Цицерона до уровня журналиста, Лютер называет его (смотри выше).

29 [185]

Конечно, потребность в *общении с великими предшественниками* и т.д. Общение с *незначительными, злобными карликами* (смотри выше).

29 [186]

Gēte (кто сегодня не делает ставку на какое-либо искусство или ремесло и т.д.)

Почтительное отношение к прошлому в пользу иератического (см. выше).

К ораторскому искусству относится искусство молчать.

«Для того чтобы мир погиб, нужно много времени — больше ничего».

29 [187]

К *заключению*. Гёте о Нибуре: «историк как объект, представляющий ценность, не сама история». Это вселяет некоторые надежды (смотри выше).

Восхваление Шиллера и Гёте (смотри выше).

29 [188]

Противоядия: 1) *отсутствие* истории?
 2) Отрицание цели в хаотическом движении атомов?
 3) Интерес к историку, противопоставленный интересу к истории? Большинство историков ниже объектов своего изучения.
 4) Гёте. Природа.
 5) Культивировать надысторическое и неисторическое. Религия. Сострадание. Искусство.

29 [189]

Нибур в защиту Макиавелли: «бывают времена, когда каждый человек должен быть святыней, и бывают другие, когда людей можно и должно рассматривать только в массе; важно понимать эпоху».

29 [190]

«Немец, с тех пор как он утратил простоту и величие характера, по натуре лгун и клеветник и менее всего честен, а еще, он менее всего способен любить».

29 [191]

Желательный результат:

Образование, раскрывающее *характер*, не декоративное, а органическое.

Немцам, может быть, еще удастся то, что удалось грекам в отношении Востока, — и только так удастся отыскать то, что является «немецким».

29 [192]

Овладеть самим собой, упорядочить хаос, отбросить всякий страх перед «образованием» и быть честным: призыв к *γνώθι σαυτόν*¹, не в смысле пустого глубокомыслия, но с тем, чтобы действительно знать, в чем наши истинные потребности. С этой позиции смело отбросить в сторону все, что нам чуждо, и расти из самих себя, не подлаживаясь к тому, что вне нас.

Для организации хаоса пригодны искусство и религия: последняя дает любовь к человеку, первое — любовь к жизни.

При этом презрение — — —

29 [193]

Насаждать традиции, прогрессивное движение, дубы для внуков. Найти форму организации, чтобы обеспечить существование первому поколению, а затем заняться образованием народа. Как звезды, безостановочно, без спешки.

Спокойствие работающего. Спокойный взгляд в будущее возможен только тогда, когда мы не будем чувствовать своей эфемерности, подобно волне.

29 [194]

Неисторические силы — забвение и иллюзия. Надисторические — искусство, религия, сострадание, природа, философия.

29 [195]

Изучить *ремесло* — необходимое возвращение того, кто стремится к образованию, в самый что ни на есть узкий круг деятельности, который он, по возможности, будет идеализировать. Борьба с абстрактным производством машин и фабрик.

Вызвать наимешливое отношение и ненависть к тому, что сегодня считается «образованием»: посредством противопоставления более зрелого образования.

1 Познай самого себя (*греч.*).

29 [196]

А что будет с нами, недовольно спросят историки: что делать с наукой историей, с нашей знаменитой, суровой, трезвой матерью-наукой? «Ступай в монастырь, Офелия», — говорит Гамлет; в какой монастырь собираемся мы сослать историческую науку и ученого-историка, эту загадку читатель загадает себе и решит сам, если он слишком нетерпелив, чтобы следовать медленному ходу мысли автора и дожидаться обещанного им рассуждения «об ученых», и предпочтет вместо этого бездумно подобрать ученому место в современном обществе.

Заключение. Существует общество питающих надежду.

29 [197]

Беды философии.

Извне: естествознание, история (пример — инстинкт. Становление понятия.)

Изнутри: сломлено мужество любить философию.

Другие науки (природа, история) способны только объяснять, но не отдавать приказания. А если они приказывают, то только отсылая к пользе. Но всякая религия, всякая философия заключает в себе в какой-то мере именно возвышенную *противоестественность*, бросающуюся в глаза бесполезность. Тем самым с ними покончено? Как с поэзией, которая представляет собой своего рода бессмыслицу.

Счастье человека основывается на том, что где-то для него существует *не подлежащая обсуждению* истина, более грубая (напр., благополучие его семьи как высший побудительный мотив), более утонченная: вера в церковь и т.д. Тут он перестает слышать, если говорят против.

В мире грандиозного движения философ должен быть *тормозным башмаком*: может ли он еще им быть?

Недоверие строгих исследователей по отношению к любой *дедуктивной* системе, см. Бажео.

29 [198]

Беды философии.

А. Требования, предъявляемые к философии перед лицом нужд эпохи. Выше, чем когда-либо.

- Б. Нападки на философию сильнее, чем когда-либо.
 В. А сами философы слабее, чем когда-либо.

29 [199]

Превратить *философию* в чистую науку (как Тренделенбург) — значит воткнуть штык в землю.

29 [200]

Недостаточно разработанная *логика*! Она увяла по вине исторических штудий. Цельнер тоже жалуется. Хвала Спиру. И англичанам.

29 [201]

Какие натуры еще становятся сегодня философами?

29 [202]

«Кто глубины постиг, жизнью любитесь». Гёльдерлин.

«Загадочно чисторожденное.

Не даст разгадки даже песнь, поскольку

Чем ты начнешь, тем и пребудешь,

К чему б ни склоняли нужда и навыв,

Решает все рождение.

И тот луч, что

Новорожденного осветит».

Гёльдерлин.

29 [203]

О религии. Я замечаю утомление, люди устали от значительных символов. Все возможности христианской жизни, самые суровые и самые мягкие, самые безобидные и самые интеллектуальные, испробованы, пришло время подражания или чего-то другого. Даже насмешка, цинизм, вражда утратили смысл — мы видим ледяной наст в теплую погоду, лед повсюду грязный, в трещинах, без блеска, с проталинами, опасный. Единственное, что, я думаю, уместно, — это безусловное, полнейшее воздержание; так я чту религию, пусть и умирающую. Смягчать и успокаивать — вот все, что возможно, протестовать следует только против плохих, не умеющих думать поваров, тем более, если это ученые. Христианство целиком отдано во власть критической истории.

29 [204]

Предаваясь мечтам, я думаю порой, насколько облегчились бы мои страшные усилия воспитать самого себя, найди я в качестве воспитателя философа, которого можно было бы во всем слушаться, ибо я доверял бы ему больше, чем самому себе! И тогда я стараюсь представить принципы его воспитания, напр. в связи с гармоническим и специальным образованием, его методы. Трудным было бы это учение, и мы, привыкшие к легкому воспитанию, попустительству, нередко испытывали бы чувство отчаяния. Но воспитателей таких нет, и в их отсутствие мы часто чувствуем, как, бунтуя, борются друг с другом наши внутренние силы и наши духовные инстинкты. Правда, ученые полагают, что с наукой совладать достаточно легко, но для науки этого недостаточно, достаточно только для себя, даже слишком. Повсюду вижу одних только уродцев: специальное образование сделало их горбунами. Что значит гармоническое и специальное? Должны ли мы вообще бояться специального образования? Pars¹ должны бы скорее стать центром для всех других сил, солнцем солнечной системы. Но всюду, где присутствует большая сила, необходимо умение балансировать противовесами. Клейст — философия (ему недоставало Шопенгауэра).

29 [205]

Философ существует, с одной стороны, для себя, с другой — для других философов. Невозможно существовать только для себя, ибо человек неизбежно вступает в отношения с другими людьми, и, коль скоро он философ, такие отношения неизбежны. Я полагаю, даже когда он отделяет себя от них со всей строгостью, становясь отшельником, то тем самым он представляет все же известное учение, дает пример и является философом для других. Он может вести себя как угодно: его философское бытие обращено к людям.

Продукт деятельности философа — это его *жизнь* (прежде, чем его *произведения*). Это его произведение искусства. Всякое произведение искусства обращено одной сто-

1 Часть (лат.).

роной к художнику, другой — к остальным людям. Каково влияние философа на нефилософов и на других философов?

Государство, общество, религия и т.д., все могут задать вопрос: что сделала для нас философия? Что может она сделать для нас сегодня? Так и культура.

Вопрос вообще о культурных влияниях философии.

Описание культуры — как уровня и настроения многих изначально враждебных друг другу сил, которые должны быть слиты в одну мелодию.

29 [206]

В средние века враждующие силы сводились в известное единство церковью: когда эта связь рвется, одна сила восстает на другую. Реформация многое объявила *ἀδιάρφα*¹ — с этого времени разрыв все увеличивался. Наконец, все начали определять самые грубые силы, государство в первую очередь. Попытка государства все организовать своей властью и быть связующим началом для враждебных сил. Понятие государственной культуры в противоположность культуре религиозной. Но власть эта — зло и более всего опирается на соображения пользы.

Мы переживаем ледоход средневековья, обломки тающего льда пришли в движение, и оно разрушительно.

29 [207]

При всех условиях *революция*: но от ума и человечности грядущих поколений зависит, приведет ли она к варварству или к чему другому.

Недостаток этической философии в образованных слоях общества проявляется естественным образом, с большей отчетливостью среди необразованных, которые всегда были чем-то вроде искаженного эха. От этого всё гибнет. Нигде ни одной новой великой мысли. Только чувство, что однажды все придется начинать заново.

29 [208]

Я не могу представить себе Шопенгауэра университетским профессором: студенты от него бы сбежали, и сам он сбежал бы от коллег-профессоров.

1 Букв.: безразличным (*греч.*).

29 [209]

Когда я думаю, какие сильные, радостные поколения людей жили на свете — куда только подевалась сила духа, свойственная эпохе Реформации! — наш образ жизни кажется мне как бы зимовкой высоко в горах, солнце выглядывает редко, все серо, все радости трогательны и созерцательны — такое зыбкое счастье! Жить так трудно. И при этом воспоминания о летних днях.

29 [210]

Ах, этот промежуток времени! Попробуем хотя бы относиться к нему с чувством превосходства и своевольно. Не становиться же рабами дарителя за такое ничтожное даяние! Самое удивительное, насколько несвободны человеческие представления и фантазия, люди никогда не воспринимают жизнь как целое. Они испытывают страх перед словами и мнениями своих ближних — ах, еще два поколения, и никто не вспомнит уже о тех мнениях, которые господствуют теперь и хотят вас поработить.

29 [211]

Всякая философия должна уметь то, чего я требую, — сконцентрировать человека, но сегодня этого не может ни одна.

29 [212]

Две задачи: защитить новое от старого и связать старое с новым.

29 [213]

К плану.

Философ имеет *две стороны*: одной он обращен к людям, другая нам не видна, там он философ для себя. Сначала мы рассмотрим философа в отношении к другим людям. Результат для нашей современности: это отношение ничего не дает. Почему же? *Они не философы для самих себя.*

«Врач, исцели себя самого!» — должны мы воскликнуть, обращаясь к ним.

29 [214]

Ах, люди нашего времени! Вокруг нас зимний день, и мы живем высоко в горах, страдая от нужды и подвергаясь опасностям. Коротки наши радости и тусклы лучи солнца, падающие на нас из-за гор. Где-то слышится музыка — и переворачивается сердце странника: так дико, так узко, так бесцветно и безнадежно все, что он видит, — и вот он слышит голос радости, бездумные, ликующие звуки. Но уже поднимается предвечерний туман, звук замирает, скрипят шаги странника; бесчувственным и мертвым кажется лик природы вечером, а вечер наступает так рано и не хочет кончаться.

29 [215]

Летучие паутинки уходящего лета — признания
Штрауса.

29 [216]

Если рабочие когда-нибудь поймут, как легко могут они сегодня превзойти нас в образованности и добродетели, с нами будет покончено. Но если этого не произойдет, тогда тем более.

29 [217]

Принять за исходную точку художника и знатока искусства перед картиной — Гёте.

29 [218]

Неразумными мы называем не только тех, кто следует неразумную цель, но и тех, кто для достижения разумной цели прибегает к нецелесообразным и не отвечающим поставленной цели методам; т.е. и того, кто хочет вычерпать море, и того, кто стреляет из пушки по воробьям. Этот второй вид неразумия встречается в природе на каждом шагу. Так же и на самой высокой из известных нам вершин ее, в человеке, она не умнее в своих средствах, какими бы исключительными ни были ее цели и намерения. Ее способ обращать редкие дарования во благо человека так же поразительно неразумен, как и сама мысль использовать редкое во благо заурядного. Такое благо за-

ключается именно в том, чтобы подвергнуться возвышению, возведению в более высокую степень, преобразиться и стать необычайным и новым. Я задаю вопрос о телеологии философа, одного из редчайших созданий, возникающих в мастерской природы: для чего он в мире? Для блага народа и эпохи, быть может, всех народов и всех эпох. Но как используется он для этой цели? Как надоевшая игрушка, которую забывают на полу, потом находят, бросают из стороны в сторону, топчут ногами, будто таких валяются кругом тысячи. Разве не нужно, чтобы люди на что-то еще надеялись и противостояли неразумию природы? Да, это было бы нужно, если бы было возможно! Ибо природа проявляет себя именно в человеке и через человека, и народ как целое обнаруживает именно двойственность природы, удивительнейшую разумность целей и не менее поразительную неразумность средств. Художник создает свое произведение для других людей, несомненно. Тем не менее он знает, что никто и никогда не поймет и не полюбит его творение так, как понимает и любит его он сам. Однако высокая степень познания и любви необходимы для того, чтобы возникла низшая степень; эта степень есть цель, которую природа преследует, создавая художественное произведение, расточая свои средства и силы, и расход намного больше, чем доход. И все же таково естественное отношение, повсюду. Разумными были бы небольшие затраты при во сто крат большем доходе. Незначительные усилия, незначительное наслаждение и познание в самом художнике, но громадный рост наслаждения и познания у воспринимающего искусство — так было бы правильнее. Если бы мы могли поменяться ролями: художник был бы человеком более слабым, а его слушатели, зрители — более сильными. Мощь художественного произведения должна была бы возрастать в соответствии с тем резонансом, который оно получает в народе; так растет скорость при возведении в квадрат расстояния. Бессмысленно ли желать, чтобы влияние искусства в начале было слабее, а в конце сильнее? Или чтобы по меньшей мере сколько было дано, столько и получено, чтобы причина и следствие были одинаковой силы?

Вот почему возникает впечатление, будто художник и тем более философ живут в своем времени *случайно*, заблудшими странниками или осевшими отшельниками.

Но в тех случаях, когда мы обнаруживаем отношение между философом и народом, мы чувствуем следующие цели природы, следующее назначение философа.

29 [219]

1. Чем был философ в различные времена.
2. Чем должен был бы он стать в наше время.
3. Картина своевременной философии.
4. Почему не может он совершить того, что должен, согласно № 2: потому что отсутствует прочная культура. Философ как отшельник. Шопенгауэр показывает, как напрягается природа: и все же ничего не появляется.

29 [220]

Мудрость независима от знания и науки.

Надеяться теперь можно только на низшие классы, людей неученых. От ученых, от образованных сословий ждать нечего. То же относится и к священнослужителям, которые понимают эти сословия и к ним принадлежат. Люди, которые знают, что такое нужда, смогут почувствовать, чем может стать для них мудрость.

Величайшая опасность в том, что необразованные классы могут быть отравлены ядом нынешнего образования.

Если бы теперь явился Лютер, он восстал бы против отвратительного умонастроения имущих классов, против их глупости и бездумности, вследствие которых они даже не чувят никакой опасности.

Где ищем мы народ!

Образование с каждым днем падает, ибо растет торопливость.

29 [221]

Следует серьезно задуматься над тем, существует ли еще вообще фундамент для будущей культуры. Можно ли в качестве такого фундамента рассматривать философию? Но таковой она не была *никогда*.

Мое доверие к религии беспредельно мало: видно, как отхлынула вода после грандиозного наводнения.

29 [222]

К началу. Всюду *симптомы отмирания* образования, полного искоренения. (*Laissez faire*¹ наук.) Спешка, отхлынувшие волны религиозного воодушевления, национальные войны, дробная, разлагающая наука, презренный культ денег и наслаждений в образованных сословиях, отсутствие у них любви и великодушия. Что сословие ученых включено в этот процесс, становится мне все яснее. С каждым днем оно становится все менее способно мыслить и любить. Все служит грядущему варварству, искусство, как и наука, — на что обратить взор? Великий потоп варварства на пороге. Поскольку нам, по существу, нечего защищать и мы все захвачены этим процессом — что следует делать?

Попытаться предостеречь те силы, которые еще имеются в наличии, связать себя с ними и не упустить время, чтобы обуздать те силы, от которых исходит угроза варварства. Прежде всего должен быть отвергнут любой союз с «образованными». Они — величайший враг, ибо мешают врачам и лживо отрицают болезнь.

29 [223]

О предназначении философов.

Существует нечто нецелесообразное, что может быть поставлено в упрек природе; это замечаешь, когда спрашиваешь себя: для чего создаются произведения искусства? Для кого? Для художника? Для других людей? Но художник не испытывает потребности делать видимым образ, который он видит, чтобы показывать его другим. Во всяком случае, счастье художника в самом его творении, и понимает он его лучше, чем все остальные. Эту диспропорцию я нахожу нецелесообразной. Причина должна была бы соответствовать следствию. В случае художественного произведения этого *никогда* не происходит. Глупо сражаться с огромной лавиной, чтобы очистить узкую

1 См. прим. к 29 [161].

дорожку в снегу, глупо наносить смертельный удар человеку, чтобы убить муху у него на носу. Так поступает природа. Художник — свидетельство против телеологии.

Тем более философ. Для кого он философствует? Для себя? Для других? Но первое было бы бессмысленным расточительством природы, второе, опять же, нецелесообразно. Польза от философии достается всегда лишь немногим, не касается народа; и для этих немногих она значит намного меньше, чем для самого философа.

Для кого строит архитектор? Неужели неровное, дробное отражение, это рассеянное звучание во множестве душ и есть намерение природы? Я думаю, он строит для следующего великого строителя. Каждое произведение искусства стремится породить дальше и разыскивает для себя восприимчивые и продуктивные души. Так и философ.

Природа действует непостижимо и неловко. Художник, как и философ, пускает наугад свою стрелу в кишашую толпу. Что-то она да поразит. Они не целятся. Природа не целится и без конца стреляет мимо цели. Художник и философ гибнут, потому что их стрелы не попадают в цель.

В области культуры природа ведет себя так же расточительно, как при севе и посадке. Она осуществляет свои цели неловко и наугад. Она растрачивает слишком много сил, чтобы добиться несоответствующих целей. Художник и знатоки, любители его искусства находятся в таком же взаимоотношении, как тяжелое орудие и несколько воробьев.

Природа преследует общую пользу, но не всегда пользуется лучшими и наиболее подходящими средствами. Посредством художника, философа она несомненно хочет помочь другим, но как же неадекватно мал и как случаен результат по сравнению с причиной (художник, художественное произведение)! Когда речь идет о философе, несоответствие особенно велико: путь от него к объекту, на который должно быть оказано воздействие, совершенно случаен. Множество раз пройти его не удастся. Природа расточает, но не от любви к роскоши, а от неопытности; можно предположить, что будь она человеком, она не переставала бы испытывать недовольство собой.

29 [224]

Я ненавижу, когда перепрыгивают через этот мир, без разбора предавая его проклятию; из него рождается искусство, религия. Ах, я так понимаю это бегство, вон из мира в царство единоличного покоя!

Ах, эти философы, которые не ведают любви, всегда думают только об избранных и так мало верят в свою мудрость. Мудрость, как солнце, должна светить всем, и бледный луч может проникнуть даже в самую низкую душу.

Обещать человеку **обладание!** Философия и религия — это тоска по *собственности*.

29 [225]

Меня забавляет, когда я представляю, что когда-нибудь люди — и писатели тоже — пресытятся чтением; что ученый будущего однажды одумается и напишет завещание, чтобы его тело было предано огню вместе со всеми принадлежащими ему книгами, в том числе его собственными. И если мы видим, что лесов становится все меньше, то не пора ли относиться к библиотекам как к бумажной поленице дров и сучьев? Не является ли большинство книг паром и дымом, поднимающимся от наших мозгов? Так пусть же превратятся они снова в дым. Я, кстати говоря, думаю, что у поколения, которое будет находить вкус в том, чтобы топить печи своими библиотеками, достанет хорошего вкуса сохранить жизнь немногим книгам, которые того заслуживают. Не исключено, правда, что через тысячу лет именно наша нынешняя эпоха будет считаться наиболее темной, потому что от нее ничего не останется. Как же мы должны быть счастливы, что еще можем изучать свое время по тем богатейшим материалам, которые ежедневно предоставляет нам печатный станок: ведь если вообще имеет смысл заниматься каким-либо предметом, то это большое счастье заниматься им так основательно, чтобы в отношении него не оставалось никаких сомнений. Но смысл в этом *есть*; ибо благодаря этому мы научаемся познавать *самих себя*, и плохая литература дает нам возможность видеть на себя, как в зеркале. Она представляет средний уровень господствующего морального сознания, т.е. показывает не исключения, а правило, тогда как

действительно хорошие книги наших современников пишутся преимущественно теми, кто не имеет с нашим временем ничего общего, кроме самого времени. Вот почему они не так важны для самопознания.

На примере плохих книг и газет я собираюсь теперь доказать, что все мы в философии дилетанты и философии не имеем.

29 [226]

Читать и писать.

Этому противопоставлено мыслить и говорить: как влияет на них чтение и письмо?

29 [227]

Некоторые вещи становятся устойчивыми только после того, как ослабевают: до этого они постоянно подвергаются опасности внезапной гибели: христианство защищают сегодня так старательно потому, что оно стало самой удобной из религий. После того как оно перетянуло на свою сторону самую стойкую вещь на свете — человеческую косность и тягу к комфорту, у него появилась перспектива бессмертия. Так и философия ценится сегодня выше всего, ибо она не мучает более людей и при этом дает им повод болтать вволю. Вещи, насыщенные силой и страстью, всегда в опасности; им грозит надлом, гибель, в них каждое мгновение может ударить молния. Апоплексический удар настигает полнокровных. Наша нынешняя философия умрет уж точно не от удара.

29 [228]

Трогательно: праздник, устроенный зимой в заснеженных горах.

29 [229]

Путь к свободе. Тринадцатое несвоевременное.

Степень наблюдения. Смятение. От ненависти. От презрения. От сознания своей связи. От Просвещения. От озарения. От борьбы «за». От внутреннего мира и свободы. Попытки создания конструкции. Включение в историю. В систему государства. В круг друзей.

29 [230]

Философ.

- 1 Глава. Медицинская мораль.
1. Эксцессы мысли неэффективны. Клейст.
2. Воздействие философии, прежде и теперь.
4. Популярная философия (Плутарх, Монтень).
5. Шопенгауэр.
6. Поповский спор между оптимизмом и пессимизмом.
7. Древнейшие времена.
8. Христианство и мораль. Почему не сила древних?
9. Молодые учителя и воспитатели как философы.
10. Почтительное отношение к этическому натурализму.

Грандиозные операции: но при этом ничего не выходит.

29 [231]

Ни одной службе я бы не позволил похитить у меня больше, чем одну четвертую моих сил.

29 [232]

Я не особенно высоко ценю то счастье, что родился среди немцев, и, может быть, с большим удовольствием созерцал бы жизнь в качестве испанца.

Примечания

Текстологические знаки

— означает одно нечитаемое слово,

-- два нечитаемых слова,

--- незаконченное предложение,

[...] пропуск в рукописи.

Слова, подчеркнутые Ницше одной чертой, переданы курсивным шрифтом, подчеркнутые двумя или более чем двумя чертами, — полужирным.

Примечания Д. Колли и М. Монтинари, в которых в основном даются ссылки на другие работы Ницше и указываются цитируемые им источники, дополнены примечаниями словарно-культурологического характера, подготовленными А.А. Карельским.

Переводы иноязычных (в основном латинских и греческих) выражений и цитат на предшествующих страниц выполнены А.Г. Жаворонковым и А.А. Карельским.

Список сокращений, принятых в примечаниях

РТ — «Рождение трагедии».

ДШ — «Давид Штраус в качестве исповедника и писателя».

ПВИ — «О пользе и вреде истории для жизни».

ШКВ — Шопенгауэр как воспитатель».

29. Лето–осень 1873

Из тетради У II 2

29 [1] К теме «Истина» см. также 29 [2], 29 [3], 29 [4], 29 [8],

29 [10–21].

- 29 [6] Бенжамен Констан (1767–1830) – французский писатель и публицист. Автор психологического романа «Адольф» (1815). Источник цитаты не установлен. *Племянник Рамо* – Диалог Дени Дидро, переведенный на немецкий язык Гёте.
- 29 [8] *credo quia absurdum* – изречение Тертуллиана, ранне-христианского писателя и теолога II–III вв. н. э.
- 29 [10] Ср. 29 [13].
- 29 [14] *ingenii largitor venter* – фраза из сатур Персия (Aulus Persius Flaccus, *Saturae: Prologus*, 10–11).
- 29 [24] Ницше ссылается здесь на работу немецкого астронома и физика Карла Фридриха Цёлнера (1834–1882) «О природе комет. Очерки истории и теории познания» (*Über die Natur der Kometen. Beiträge zur Geschichte und Theorie der Erkenntnis*. Leipzig, 1872).
- 29 [26] Ср. 29 [23].
- 29 [28] *Defienda me Dios de tu* – старинная испанская поговорка, упоминаемая Монтенем в «Опытах» (книга III, глава XIII «Об опыте»).
- 29 [43] Источник цитаты не установлен; ср. 29 [184].
- 29 [44] Источник не установлен.
- 29 [51] С данного фрагмента начинается полемика Ницше с работой Эдуарда фон Гартмана «Философия бессознательного». Ницше цитирует по изданию: *Philosophie des Unbewußten*. Berlin, 1869. См. также о Гартмане в этой тетради (29 [52–55], 29 [59], 29 [66], 29 [72]). Ср. ПВИ 9.
...их упорядочивающим *νοῦς*... – см. прим. к 19 [18].
- 29 [52] Цитата из Гартмана по изданию 1869 года.
...и уподобило бы мировой процесс вычерпыванию воды данаидами – Данаиды – в греческой мифологии – 50 дочерей царя Даная. В Аиде данаиды несут вечное наказание, наполняя водой дырявый сосуд.
- 29 [59] Цитата из Гартмана по изданию 1869 года.
- 29 [60] Ср. ПВИ 6.
Ницше цитирует работу Грильпарцера «О пользе изучения истории» («Über den Nutzen des Studiums der Geschichte»).
- 29 [61] Ср. ПВИ 2.
- 29 [62] Ср. ПВИ 6.

29 [64] Ср. 29 [6].

Тут я согласился бы с испанцем Хуаном Хуарте... — Хуарте, или Гуарте, Хуан (1520–1580) — испанский врач и мыслитель, известность которому принес его труд «*Examen de ingenios para las ciencias*» («Проверка способностей к наукам» — исп.; около 1557). Немецкий перевод книги вышел в 1873 году.

29 [65] См. прим. к 29 [60]; ср. ПВИ 4.

29 [66] Цитата из Гартмана по изданию 1869 года.

...в подтверждение чего шельма Гартман процитирует нам Откровение Иоанна 10,6 — указанный стих звучит следующим образом: «И клялся живущим во веки веков, который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море, и все, что в нем, что времени уже не будет».

при помощи обществ Шульце-Делича — имеется в виду «Иудаический институт Делича» (*Institutum Judaicum Delitzschianum*), основанный в 1866 году протестантским теологом Францем Деличем (1813–1890) с целью проповеди Евангелия среди иудеев.

29 [68] См. прим. к 29 [60].

29 [70] См. в «Истории» древнегреческого историка Полибия 1, 1, 2. Ср. ПВИ 2.

29 [71] *Редактор газеты с тиртеевой боевой трубой...* — Тиртей (2-я половина VII в. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик. По преданию, хромой школьный учитель, посланный афинянами в Спарту взамен требуемой военной помощи и сумевший своими песнями поднять боевой дух спартанцев. Имя Тиртея стало нарицательным для обозначения представителей гражданской позиции.

29 [72] Цитаты из предисловия к гегелевским «Лекциям о философии Истории».

29 [73] Как 29 [72].

29 [74] Как 29 [72].

propter vitam vitam perdere causas — фраза из «Сатир» Ювенала (VIII, 84).

29 [75] Цитата из вступительной лекции Шиллера «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения».

- 29 [77] Из письма Гёте Эккерману от 16 февраля 1826 года.
- 29 [78] Из письма Гёте Эккерману от 21 июля 1827 года. Ср. ПВИ 2.
- 29 [79] Из письма Гёте Эккерману от 11 сентября 1828 года.
- 29 [86] *And from the dregs of life hope to receive,
What the first sprightly running could not give*— Ницше цитирует по немецкому изданию книги Дэвида Юма «Беседы о естественной религии» (*Gespräche über natürliche religion. Leipzig, 1781*). Юм берет эти стихи из пьесы Джона Драйдена «Аурангзеб» (акт IV, сцена 1).
- 29 [87] Ср. ПВИ.
- 29 [88] Ср. ПВИ.
- 29 [89] Ср. ПВИ.
- 29 [90] набросок плана к ПВИ.
- 29 [92] Ср. ПВИ.
- 29 [93] Источник цитаты из Мирабо не установлен.
- 29 [94] Источник цитаты не установлен.
- 29 [95] Источник цитаты из Нибура не установлен.
les historiens de Ms. Thiers— Адольф Тьер (1797–1877)— французский государственный деятель и историк. Автор многотомных «Истории консульства и Империи» и «Истории Французской революции».
- 29 [96] Ср. ПВИ.
- 29 [97] набросок плана к ПВИ.
- 29 [98] ...жизнь, представляющая собой никогда не завершающийся *Imperfectum*... — *Imperfectum* — имперфект — в немецком языке грамматическая форма времени глагола, обозначающая длительное (незаконченное) действие в прошлом (в отличие от *Perfekt* — перфекта).
- 29 [99] К ПВИ.
- 29 [100] К ПВИ.
- 29 [101] набросок плана к ПВИ.
- 29 [102] набросок к ПВИ.
- 29 [105] Из письма Нибура Адаму Мольтке от 9 декабря 1796 года.
- 29 [106] Из письма Гёльдерлина брату от 4 июня 1799 года.
- 29 [107] Из письма Гёльдерлина брату от 1 января 1799 года.
- 29 [110] Из письма Гёте Шиллеру от 5 апреля 1797 года.

- 29 [111] Из письма Шиллера Гёте от 21 апреля 1797 года.
- 29 [113] Ср. ПВИ 3.
- 29 [114] Ср. ПВИ 3.
- 29 [116] Фрагмент написан Ницше в связи со статьей Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии».
- 29 [125] Из писем Гёте Шиллеру от 2 января 1804 года и 19 декабря 1798 года соответственно.
- 29 [126] Из письма Шиллера Гёте от 23 июля 1798 года.
- 29 [127] Из писем Гёте Шиллеру от 21 февраля 1798 года и 31 января 1798 года соответственно.
- 29 [128] Из письма Шиллера Гёте от 2 января 1798 года.
- 29 [129] Из письма Шиллера Гёте от 2 января 1798 года и из письма Гёте Шиллеру от 3 января 1798 года соответственно.
- 29 [130] Ср. ПВИ 5.
- 29 [135] *Отношение приблизительно такое же, как между автором кельнских передовиц и Тиртеем* — ср. 29 [71] и см. прим. к этому фрагменту.
- 29 [136] *чутье к изгладившимся следам, вычитывание из палимпсестов, даже мириопсестов* — палимпсест — от греч. *πάλι* («снова») и *ψάω* («скоблю, стираю») — древняя рукопись, написанная на пергаменте после того, как с него смыт или счищен прежний текст. Мириопсест — слово, выдуманное Ницше по аналогии с первым. Первая часть его происходит от греч. *μυρίος* («бесчисленный, тысячекратный»).
- 29 [146] Набросок плана к ПВИ.
- 29 [147] Набросок плана к ПВИ.
- 29 [150] *Состязание в Вартбурге: фон дер Хагенау, миннезингер, II 2 и далее, года 1300* — Ницше имеет в виду легенду о состоявшемся в 1206 году в Вартбурге состязании певцов при участии миннезингера Вальтера фон дер Фогельвайде, ученика Рейнмара фон Хагенау, и автора «Парсифаля» Вольфрама фон Эшенбаха. Эта легенда легла в основу вагнеровского «Тангейзера». *Ludus Paschalis de adventu et interitu Antichristi. Pezii thesaurus Anecdotorum Novissimus 2* — «Пасхальные игры...» — латинская мистерия; под словарем анекдотов имеется в виду словарь Бернарда Пеция, изданный в Париже в 1721 году.

- 29 [151–158] Планы и наброски к ПВИ.
- 29 [153] *Remedia*— вероятно, имеется в виду произведение Овидия *Remedia amoris* («Лекарство от любви»).
- 29 [160] Набросок плана к ПВИ.
- 29 [179] Ср. 26 [9].
- 29 [180] Ср. 29 [9].
- 29 [181] Ср. 29 [8].
- 29 [182] ...отчего старый испанец сказал «*Defienda te Dios de tu*», «Спаси меня, Господи, от меня самого»— см. прим. к 29 [28].
- 29 [192] *γνώθι σαυτόν*— см. прим. к 8 [87].
- 29 [198] Ср. 30 [15].
- 29 [202] Цитаты из стихотворений Гёльдерлина «Сократ и Алкивиад» и «Рейн» соответственно.
- 29 [206] *Реформація многое объявила ἀδιάφορα... – ἀδιάφορα*— в некоторых философских системах действие или мысль, являющиеся безразличными или индифферентными в нравственном отношении.
- 29 [213] «*Врач, исцели себя самого!*»— цитата из Евангелия от Луки (4,23).
- 29 [222] *laissez faire*— безразличие (франц.).
- 29 [226] Ср. 26 [20].